

**ЕФИМ
ЗАХАРОВ**

СИНЯЯ

ЛОШАДЬ

Ефим Захаров
Синяя лошадь

«Остеон-Групп»

2015

Захаров Е.

Синяя лошадь / Е. Захаров — «Остеон-Групп», 2015

ISBN 978-5-85689-032-6

Действие романа происходит в Украине и в Крыму, где спецслужбы Украины и России производят маневры, посвященные с одной стороны отторжению Крыма, а с другой стороны — недопущению оногo. Сам автор уверяет, что вся рассказанная им история является чистой воды выдумкой, навеянная периодом временной безработицы. Все совпадения имён и событий случайны.

ISBN 978-5-85689-032-6

© Захаров Е., 2015
© «Остеон-Групп», 2015

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	43
Часть вторая	45
Глава 1	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ефим Захаров

Синяя лошадь

Часть первая

Глава 1

Просыпаться было приятно. Лёжа на спине, он ещё во сне ощутил, как небольшая, но весьма любимая и тщательно оберегаемая часть его тела очутилась в чём-то влажном и тёплом. Остатки сна плавно перетекли в эрекцию, и Сергей открыл глаза. Каштановые волосы густой копной лежали на животе и скрывали от глаз действие, происходившее за этим занавесом. Он аккуратно отвёл волосы в сторону и зажал ладонью на затылке, ласково, но в то же время сильно, прижав обладательницу шевелюры книзу. Оля тихо застонала и грубо сдавила рукой яички, заставив окончательно проснуться. Он не мог оторваться, наблюдая за слегка ленными, но безупречными по исполнению, движениями подруги, приводящими его в состояние экстаза. Расслабиться можно было только от звуков, сопровождавших этот процесс, «а-а» и «м-м», постоянно крещендо раздававшиеся из-под занятых делом губ, сводили с ума, но он, усилием воли собрав силы в кулак, пытался продлить удовольствие как можно дольше. Когда стон сделался до неприличия громким, Сергей задрожал и, увидев широко раскрытые глаза подруги, обращённые в его сторону, излился волной. Оля губки не разжала, вобрал в себя до капли многомиллионную армию потенциального потомства партнера.

– Я в душ, приготовь мне завтрак, пожалуйста. Ведь я его заслужила? – девушка встала с кровати и направилась в ванную, сильнее, чем обычно, покачивая бедрами, зная, что Сергей на нее смотрит.

– А надо? – еле слышно спросил Сергей.

– Теплов, ты – хам, нахал и неблагодарная личность, – с возмущением раздалось из коридора и дверь ванной комнаты с шумом захлопнулась.

Ольга Петровна была замужней дамой, двадцати восьми лет отроду, и имела дочь. Её муж, по профессии строитель, зарабатывал на жизнь вахтенным методом и мог месяцами находиться вдали от дома. Отсутствие мужа она переживала нормально, а отсутствие секса нет. Оля работала в фотолаборатории в магазине фототоваров напротив милицейского главка, где и познакомилась с Тепловым, зашедшим в магазин напечатать несколько фотографий в память об отпуске, проведенном в Турции с другой девушкой, отношения с которой к тому времени остались в прошлом. Пышущий здоровьем организм молодой женщины тяжело переживал очередной отъезд мужа, а Теплову просто понравилась барышня с «чёртиками» в глазах, обезоруживающей улыбкой, узкой талией и круглой попкой. В этот же день он встретил её с работы и после ознакомительного ужина сразу отвёз к себе.

К сексу Ольга относилась серьезно и, несмотря на то, что, по мнению Сергея, была искусницей во всех его проявлениях, к встречам с Тепловым готовилась тщательно, выглядела безупречно и нередко приносила в отношения разнообразие, захватывая с собой различные предметы, одолженные во временное пользование подругой, работавшей продавщицей секс-шопа. Встречи были нечасты, но всегда приятны, и такое положение вещей устраивало обоих. Более регулярные свидания могли погубить ту страсть, которая неизменно вспыхивала в них при виде друг друга и позволяла с неистовством отдаваться сексу в чистом его виде, ненадолго позабыв о приличиях.

Съев завтрак, состоящий из кофе, апельсинового сока и столь любимого Олей яблочного пирога, приготовленного мамой Сергея, Теплов и его спутница спустились из квартиры на улицу и уселись в машину, припаркованную около подъезда.

– Тебе понравилось? – как всегда спросила Ольга.

– Это было супер, – как всегда ответил Сергей.

По дороге на работу Оля рассказывала Теплову о дочери, которую она, готовясь к встрече с ним, всегда отвозила к бабушке, говорила, что ребёнок растёт ни по дням, а по часам и никаких денег не хватает покупать ей одежду, из которой та моментально вырастает...

«Самый лучший день заходил вчера, ночью ехать лень, пробыл до утра, но пришла пора, и собрался в путь, ни ладно пу-у-сть...» – надрывался Лепс на волнах радиостанции, пойманной Сергеем в машине.

А ведь действительно день вчера был неплох, – устав от болтовни подруги, подумал Теплов, который помимо встречи с Олей, подарившей ему незабываемую ночь, ещё и провернул удачную, как он это называл «операцию», заработав тысячу долларов на, как ему казалось, пустяковом деле.

Высаживая девушку около магазина, Теплов протянул ей сто баксов:

– Возьми, дочери что-нибудь купишь.

– Спасибо, – она улыбнулась и, чтобы не смазать густо покрашенные помадой губы, лизнула язычком по губам молодого человека. – Ну, пока. Созвонимся.

– Пока, – сказал Сергей, который, проведя с Ольгой ночь, всегда давал ей деньги, столько, сколько мог себе позволить в конкретный момент, хотя они об этом никогда не договаривались. Он не считал это зазорным, а она не отказывалась. Так и повелось.

Отъехав от магазина, Теплов повернул налево и уже через несколько минут был на работе. Занятый вечером абсолютно иными вещами, новости Теплов не смотрел, поэтому, включив компьютер, первым делом нажал кнопкой «мышки» на иконку «Google» и вошёл в новостной портал. Надо сказать, что потребность в новостях в конце января, после того как мирная акция протеста на Майдане в Киеве перетекла в фазу открытого противостояния, с кровью и жертвами, приобрела характер вируса, моментально распространяющегося среди обитателей социума, и Сергей исключением не был. Страна поголовно прильнула телевизорам и мониторам компьютеров и ноутбуков, в режиме on-line следя за событиями на улице Грушевского¹, стараясь ничего не упустить. Посмотрев, что за ночь ничего экстраординарного не случилось, Теплов решил приступить к работе. На сегодня было назначено несколько допросов, к тому же он планировал всё-таки начать писать обвинительный акт² по окончательному делу, которое в этом месяце должно было уйти в суд.

Бегло глянув на скучный серый городской пейзаж за окном, поливаемый мелким холодным дождем, Теплов открыл нужный ему файл, пододвинул к себе дело и... зазвонил телефон. Песня «Stamblin In», заданная мелодией звонка, в исполнении Сюзи Кватро и Криса Нормана была любимой песней его мамы, Сергею песня тоже нравилась, но в этот момент звучащей из динамиков телефона мелодией он почему-то не проникся.

– Да, мам, – скучно отозвался он, нажав на зеленую кнопку аппарата.

– Доброе утро, Серёженька.

– Доброе.

---

¹ В середине января 2014 года мирная акция протеста на Площади Независимости (Майдані Незалежності – укр.) в Киеве переросла в вооруженные столкновения с представителями власти на улице Грушевского (здесь и далее примечания автора)

² Обвинительный акт – итоговый документ, составляемый следователем, которым оканчивается расследование уголовного дела. Согласно УПК Украины в суд направляется только обвинительный акт, а материалы дела передаются в суд прокурором позднее, после начала судебного разбирательства.

– У тебя всё в порядке, ты позавтракал? – если Сергей не ночевал у неё, а оставался в своей квартире, то утренний звонок мамы был обязательным. Теплов, как любящий сын, с пониманием относился к заботам матери и терпеливо отвечал ей на все вопросы

– Всё в порядке, мам, позавтракал и на работу приехал. Работы много очень.

– Хорошо, я быстро, по делу, – намек сына мать поняла, – у меня «Skype» пропал, а я договорилась с Людой сегодня на связь выйти. Настроишь?

– Без проблем. Приеду после работы и настрою всё, – бессонная ночь с Олей измотала Сергея, и он хотел выспаться, намереваясь сегодня остаться у матери. Люда была единственной маминой школьной подругой, поддерживающей с ней связь. Выйдя уже в немолодом возрасте замуж за пожилого испанца, с которым познакомилась по Интернету, Люда жила в пригороде Мадрида и два раза в месяц общалась с подругой по «Skype». Видимо, сегодня был сеанс связи.

– Спасибо, сынок. Что-нибудь приготовить особенное? – мама всегда пыталась побаловать сына, считая, что тот недоедает.

– Да нет, мам, не надо. Что будет, тем и накормишь.

– До вечера.

– Пока мам, целую, – ответил Сергей и отключился.

Появившееся было желание поработать, исчезло напрочь. Теплов посмотрел на часы – до первого допроса оставалось ещё полчаса. Позвоню другу старому, решил он и набрал Лёху «Суслика», школьного приятеля, уехавшего несколько лет назад ненадолго в Киев, и так там насовсем и оставшегося, женившись на киевлянке и трудоустроившись менеджером в одном из банков столицы.

– Привет, друг, как дела? – начал Теплов, дождавшись ответа.

– Привет. Это у тебя дела, а у нас так, баловство одно, – ответил Алексей.

– Расскажи мне, дружище, из первых рук, что в Киеве творится? Как вы там живёте?

– Нормально живём. Ничего особенного не творится. На Грушевского воюют, около Майдана всё перекрыто. Вонь там стоит страшная. Хорошо, что холодно, как потеплеет, бактерии от них по всему Киеву разойдутся. А всё остальное – как было, так и осталось. Отойди от Лобановского³ метров на пятьсот, так вообще, как будто бы в Киеве ничего не происходит. В Крыму-то как?

– Как в болоте. Вообще ничего. Все в телевизоре или в Интернете, обсуждают что-то. Я в дискуссии особо не вступаю, работы много.

– С погодой что?

– Обычная крымская. Всё, что растаяло днем, замерзло ночью. Сейчас дождь мерзкий моросит.

Поговорив еще немного, Теплов передал привет супруге и, попрощавшись с другом, вернулся к работе. Сосед Теплова по кабинету, старый и мудрый Ка, как его прозвали коллеги, а в миру следователь Хлебушкин Иван Давыдович, пару недель назад ушёл на заслуженный отдых, оставив кабинет в полном распоряжении Сергея.

Допросы вымотали его как физически, так и морально, поэтому дождавшись окончания рабочего дня, и так и не приступив к составлению обвинительного акта, Сергей, зевая, отправился к матери, где как он знал, его всегда ждет хорошая еда и мягкая чистая постель, а именно этих вещей ему сейчас хотелось больше всего. Настроив после ужина в ноутбуке «Skype», Теплов поцеловал маму, которая тут же вышла на связь с испанской подругой, и удалился отдыхать.

– Да ничего у нас не происходит, Люда, вообще ничего, успокойся. Это в Киеве жуть что творится, а у нас тихо. Да работает всё, и транспорт ездит и зарплату платят. Не слушай

---

³ Стадион «Динамо» им. В.В. Лобановского на улице Грушевского в Киеве, рядом с которым и начались столкновения митингующих с правоохранителями в январе 2014 года

никого, меня слушай. Один Майдан пережили, и второй переживём, – до Теплова через стену доносился разговор матери на кухне. – Людьми надо оставаться, вот что главное, а то смотрю, люди меняются прямо на глазах. Слушай, встретила недавно...

А ведь и вправду люди меняются, – подумал Теплов. – Вроде ничего особо страшного не происходит, страна не разваливается, войны нет, а люди незаметно изменились. Уверенности, что ли, не стало, страх какой-то перед будущим появился. Да и в себе Сергей нащупал ранее незнакомое новое чувство, сообщающее, что старая налаженная и хорошо знакомая жизнь непременно заканчивается, а начинается новая, неизведанная, и будет в ней хорошо или плохо пока было не известно.

Глава 2

Сергей Александрович Теплов происходил из стандартной советской интеллигентной, но очень обеспеченной, семьи. Оба его родителя были коренными симферопольцами и стараниями дедушек и бабушек всё-таки получили высшее образование. Мать, Валентина Пантелеевна, женщина тихая и ростом невысокая, но со стальным несгибаемым стержнем внутри, преподавала музыку в школе, а в свободное от работы время занималась пошивом одежды на дому. Отец, Александр Михайлович, мужчина рослый и голосом громкий, но стержня внутри не имевший, с горем пополам окончил медицинский институт и посменно трудился врачом скорой помощи. Серёжа был поздним и единственным ребенком в семье, а потому рос в атмосфере любви и уюта, и, также как и все дети в Советском Союзе, в семь лет пошёл в школу. Случилось это во второй половине восьмидесятых, когда врачи и учителя ещё получали стабильную зарплату, позволяющую не умереть с голоду и что-то отложить «на чёрный день», и могли хоть как-то планировать будущее. Трудности начались немного позднее, когда зарплаты родителей стало хватать только на хлеб, и они выживали исключительно благодаря матери, тянувшей семью, зарабатывая шитьём. Несмотря на то, что в школе Сергей никогда не был объектом насмешек, со всеми держался ровно и учился хорошо, чувствовал он себя немного ущербным. В классе учились в основном дети кооператоров и бандитов, у которых карманных денег на каждый день было больше, чем родители Сергея зарабатывали в месяц, вкалывая при этом до седьмого пота. Когда дети стали постарше, разница стала особенно заметна. Родители хотели и пытались одеть сына не хуже, чем других детей, но заработка хватало только на ширпотреб с рынка, в то время как девчонки и пацаны из класса щеголяли в итальянских и немецких куртках, джинсах, платьях и туфлях. Одноклассники ходили по дискотекам и барам, ездили с родителями отдыхать за границу, курили дорогие сигареты. Серёжа по дискотекам не ходил и не курил. Не потому что не хотел, хотел, но денег на бары, дискотеки и сигареты родители ему не давали и дружбы с детьми богатеньких родителей он не водил.

Через несколько дней после шестнадцатилетия Сергея, на празднование которого собралась вся семья, включая дедушек, бабушек, дядь и тётъ, умер отец. Александру Михайловичу внезапно стало плохо с сердцем, но «скорая» была на «платном» вызове и вовремя к «бесплатному» коллеге приехать не смогла, а когда сослуживцы, откликнувшись на слёзы и вопли матери, обрывавшей все известные ей телефоны, всё-таки добрались до их квартиры на каком-то частнике, спасать уже было некого. Серёжа перенес смерть отца стойко, решив, что отныне нужно полагаться только на самого себя. Мать, поплакав, разогнула внутренний стержень и стала заниматься сыном, который по её мнению учился ниже своих способностей. Проведя с сыном несколько жёстких воспитательных бесед, Валентина Пантелеевна своего добила – сын начал получать оценки, её удовлетворявшие. Сергей понял, что если именно сейчас ничего не изменить в жизни, то он будет как отец и мать жить от аванса до полочки, лезть из кожи вон, чтобы его дети были не хуже других. Он не хотел, чтобы его дети были не хуже, он хотел, чтобы его дети были лучше других. А почему только дети? Он сам хотел быть лучше других, чтобы не он равнялся на других, а другие равнялись на него. Хотел, в конце концов, чтобы девушки, практически не замечавшие его существования, посмотрели на него другими глазами, с симпатией и желанием, как они глядят на тех, у кого есть деньги.

Уже будучи взрослым и вполне обеспеченным человеком, Сергей прочитал книгу, чётко отразившую его мировосприятие в то время, где главный герой, также как и он переживал произошедшие в начале девяностых изменения, сравнивая людей с рыбами, «совок» с пресным застоявшимся водоёмом, а западный капиталистический мир с солёным океаном, который в 1991 хлынул в нашу жизнь и смешался с пресной водой, после чего пресная вода, как и положено по закону природы, стала солёной. Лещи, жившие в пресной воде, в солёной адаптиро-

ваться не смогли, так и оставшись Лещами, бесправными, голодными и всего боящимися, а жизнью стали править Барракуды, которых раньше в пресной воде не водилось, с холодными глазами, не испытывающие угрызений совести, пытающие урвать свой кусок каждый день, живя по принципу «Умри сегодня, а я завтра»⁴. Так вот, быть Лещом он не хотел.

Но времена менялись. К концу девяностых бандитизм в Крыму побороли и «братки» в коротких кожаных куртках и спортивных штанах с улиц городов исчезли. Детское желание, возвращенное рассказами одноклассников и дворовых приятелей, быть крутым бандитом, «нагибать» коммерсантов, носить пистолет, ездить на чёрной «бэхе» и снимать девок по ночным клубам у Сергея исчезло. Понял, что надо получать высшее образование и пытаться чего-то добиться в жизни головой, а не силой. При этом желания носить пистолет и ездить на «бэхе» остались.

Чтобы получить образование надо поступить в институт, рассуждал Серёжа, причем в такой, где будут кормить и одевать, поскольку платить за его обучение бешеные деньги у матери возможности нет. Гособеспечение дают только милицейские и военные заведения. В армию Сергей не хотел, вооруженные силы разваливаются, денег там нет и не будет, и профессия военного в стране по престижности опускается всё ниже и ниже с каждым годом. Остаётся милиция. Серёжа слышал разговоры в классе, как чьи-то предки «залетали под ментов» и были вынуждены откупаться. При этом суммы назывались такие, что он не верил, что такие деньги можно заработать, а потом добровольно отдать. Кроме того, в их подъезде, на втором этаже, недавно купил квартиру милиционер, капитан. Выглядел капитан неплохо, джинсы и куртка у него были фирменные, ездил он на новенькой «девятке», жена – молодая, красивая, в шубе и золоте. Сопоставив увиденное и услышанное, прикинув свои умственные и физические способности, которые уже в тот момент Сергей оценивал объективно, он решил стать милиционером. Узнав, какие экзамены сдают в университет внутренних дел, Серёжа стал дополнительно заниматься с репетитором, бегать, отжиматься и подтягиваться.

Книг Теплов взахлёб не читал, предпочитая пропадать где-нибудь со своим другом Лёхой, отличавшимся высоким ростом и худобой, а потому получившем прозвище «Суслик», или «тусить» с ребятами постарше, рассказывавшими истории про «ментов» и «бандиков», но школьную программу освоил, «Золотого телёнка», «Мастера и Маргариту», «Преступление и наказание», а также «Трёх мушкетеров» прочитал, не считая потраченное на чтение время потерянными, и, в случае необходимости, мог поддержать соответствующую беседу, произведя впечатление образованного человека.

Отгуляв выпускной, Сергей Теплов, плотно сбитый среднего роста молодой человек, с тёмно-русыми коротко стриженными волосами, карими глазами и горбинкой на носу, которой мог бы позавидовать римский патриций, полностью был готов к поступлению. По нужным ему предметам заработал «отлично», подтягивался двадцать раз, бегал быстрее всех в классе. Другие предметы подтянулись как-то сами собой, и Сергей имел средний балл четыре с половиной, что вполне было достаточно для поступления в Университет внутренних дел, куда он без особых проблем и влился на полное государственное обеспечение. Учился Сергей в Симферопольском филиале. Он очень хотел уехать в какой-нибудь большой город – Харьков, Одессу или Киев, где, как он полагал, гораздо больше возможностей «выбиться в люди», но мать, когда он ей это озвучил, разрыдалась, второй раз на его памяти (первый раз сразу после смерти отца), сказала, что наложит на себя руки, если он уедет, что одной ей жить ни к чему. Сергей пожалел мать и остался.

Учеба пролетела быстро и практически незаметно. Учиться Теплову было легко и интересно. Несмотря на то, что на курсе было много «мажоров» – детей милицейского начальства, чиновников и бизнесменов, отношения у Сергея сложились со всеми. Здесь он не чувствовал

⁴ Павел Санаев «Хроники Раздолбая».

себя ущербным или второсортным, как в школе. Новые друзья охотно брали его с собой, показывая во всех красках ночную жизнь крымской столицы, в старших классах школы пролетевшую мимо него, расплачивались за Сергея в саунах, ресторанах, ночных клубах, а он взамен помогал им в учёбе, решал контрольные задания, писал доклады и рефераты.

На первом курсе Сергей, оставшийся девственником и «спускавший пар» вручную с помощью журнала «Playboy», подаренного ему Лёхой «Сусликом» на день рождения классе в девятом, познал «продажную любовь», о которой был наслышан ещё от одноклассников, но на себе испытать так и не успел из-за отсутствия необходимых средств. Отдыхая с друзьями в одном из баров, Сергей случайно познакомился с девушкой по имени Карина, с которой в тот же вечер у него случилось то, чего хотят все ребята в восемнадцать лет. Товарищ любезно согласился предоставить им свою квартиру, а Карина сделала всё, о чем он мечтал, и даже несколько больше, потому что о многом он даже не догадывался и поэтому мечтать об этом не мог. Имея только опыт просмотра нескольких порнофильмов, с ней он совсем не чувствовал себя неопытным мальчишкой, у которого «это» случилось первый раз в жизни. С Кариной всё было легко и просто, как будто бы «это» у него уже было. Расслабившись за ночь так, что внизу живота ощущался явный дискомфорт, Сергей понял, что первый раз в жизни влюбился по настоящему, любовь к соседке по парте в третьем классе в расчет не принималась. Расставшись с Кариной утром, Сергей целый день думал только о ней и не мог дождаться вечера, чтобы снова увидеть свою девушку. Это было очень приятно – иметь свою девушку. Каково же было его удивление, когда от одноклассников, которые, увидев его, радостно загоготали и со смехом стали выяснять подробности ночи, он узнал, что Карина работает «путаной», сняли её друзья накануне около гостиницы «Украина», оплатили полную ночь и попросили, чтобы их друг, то есть он, был доволен. Доволен-то Сергей, конечно, был, но этот случай надолго наложил на него едва заметный отпечаток, и ко всем девушкам, которые впоследствии были в его жизни, относился придиричиво и отношений до стадии серьезности старался не доводить.

На втором курсе Теплова направили для прохождения практики в один из райотделов милиции города. Определили его в роту патрульно-постовой службы, поручив вместе с такими же как он курсантами и сержантом, назначенным старшим, патрулировать улицы города, забирать пьяных, разнимать дерущихся, в общем, следить за порядком. Здесь Сергей и заработал свои первые милицейские деньги, что оказалось не такой уж сложной задачей. Достаточно было остановить подвыпившего гражданина, благо таких по улицам города в вечернее время ходит множество, разъяснить, что тот находится в общественном месте в состоянии опьянения и его просто необходимо сей же час доставить в отделение милиции для составления административного протокола. Человек разумный, понимая, что спорить с тремя крепкими молодыми милиционерами при исполнении бесполезно, предлагал оплатить штраф на месте, на что представители правопорядка с радостью соглашались. Заработанные деньги делились в конце дежурства. А если гражданин оказывался не из числа догадливых, начинал ругаться и пытался освободиться из цепких лап правоохранителей, то он доставлялся в райотдел или ближайший опорный пункт, где на него составлялось сразу несколько протоколов. Помимо нахождения в нетрезвом виде, ещё и за сопротивление милиции, громкую ругань в общественном месте и ещё за что-нибудь. Кодекс об административных правонарушениях Сергей освоил очень прилично и мог «подобрать» статью любому недогадливому гражданину, за что пользовался среди коллег уважением.

Заработав первые маленькие деньги, Сергею захотелось большего, что вскоре и случилось. На одном из рынков его усилиями был задержан мужчина, казавшийся подозрительным и в связи с отсутствием при себе документов, доставленный в опорный пункт, где было установлено, что субъект этот находится в розыске. Теплов радовался, что наконец-то он задержал настоящего бандита и гордился собой, но его мировоззрение было несколько сдвинуто с устоявшихся позиций последующими событиями. Сержант выгнал Теплова из кабинета на

улицу, оставшись с задержанным один на один. Прошло минут двадцать. К опорному пункту подошла женщина и зашла внутрь, после чего бандюган вышел, закурил, сплюнул под ноги и ушёл восвояси. Теплов опешил, но взял себя в руки и не стал задавать старшему товарищу вопросов, за что был вознагражден суммой в триста долларов, которая для него в тот момент являлась астрономической, после чего желание задавать вопросы исчезло. На заработанные деньги Сергей купил мобильный телефон и наконец-то почувствовал себя настоящим мужчиной. Он перестал брать деньги у матери, говорил, что за отличную учёбу дают стипендию, а во время практики платят зарплату, кроме того по окончании учебного года лучших курсантов награждают ценными подарками. Мать верила, улыбалась и искренне радовалась за сына.

За время учёбы Сергей проходил практику в разных подразделениях милиции – в розыске, в следствии, в дознании, в отделе по борьбе с наркотиками, в службе по борьбе с экономическими преступлениями, убедившись, что при определенном подходе, осторожности и смекалке зарабатывать деньги можно везде, но для себя определил, что хочет работать в ГСБЭП⁵.

---

⁵ Государственная служба по борьбе с экономической преступностью, входящая в структуру Министерства внутренних дел (бывш. БХСС)

Глава 3

Трансформация сознания Теплова произошла незаметно, да, в принципе, как он впоследствии понял, трансформации и не было вовсе. Он шёл в милицию не из-за чрезмерно развитого чувства справедливости, и стремления защищать чужое здоровье и имущество ценой собственных не имел, преследуя лишь цель любой ценой выбраться из жизни, всё детство и юность стоявшей перед его глазами, и иметь деньги в том количестве, которое позволит не считать их от зарплаты до зарплаты, покупать себе нормальную одежду, и кушать там где хочется, не подбивая в уме дебет с кредитом, и мыслью о том, от чего придется отказаться в следующем месяце. Именно деньги, по мнению Сергея, позволяли не чувствовать себя ущемленным. Есть он, и есть мама, которая прожила тяжёлую жизнь, и которой он, как сын, обязан обеспечить безбедную старость.

Именно с такими мыслями лейтенант милиции Теплов Сергей Александрович выпускался из университета внутренних дел. Из-за отсутствия нужных связей попасть в желанную службу ему не удалось, а распределен он был обычным опером в один из райотделов Симферополя. Определили Сергея на линию тяжких преступлений, и стал он заниматься раскрытием убийств и изнасилований. Надо сказать, что работе Сергей отдался целиком и полностью и о каком-либо «дополнительном заработке» даже и не думал, погружаясь в мир грязи, крови, вони, бомжей и проституток. Профессия не оставляла времени на личную жизнь, поэтому услугами последних Сергей не брезговал, используя служебное положение и помня первый сексуальный опыт. Теплов был молод, полон сил и желания работать, ловить и сажать убийц и насильников, жалости к которым не испытывал. Ему нравилась работа, он чувствовал, что делает что-то важное и нужное, очищая общество от мрази, и почти забыл о той цели, которую себе наметил.

Всё изменил один случай. В квартире на обслуживаемой старшим лейтенантом Тепловым территории обнаружили труп молодой задушенной женщины. Из обстановки на месте преступления следовало, что она была не одна, по всей видимости с мужчиной, на столе легкий ужин, два бокала, шампанское. Труп обнаружили соседи, заметив, что входная дверь в квартиру приоткрыта несколько дней. Сергей установил личность женщины, подруг, связи и род занятий. Звали её Звягинцева Лида, и было ей двадцать шесть лет. Приехала она в Симферополь из Сакского района в поисках лучшей жизни и танцевала топless в одном из стриптиз – клубов, где и познакомилась с бизнесменом по имени Михаил. Мужчина был женат, имел детей, но встречи с Лидой приобрели постоянный характер. Он оплачивал ей квартиру, покупал одежду, однако работать в стриптиз – клубе не запрещал, видимо его возбуждала профессия любовницы. Михаил был уже не молод, вечно занят и имел проблемы со спиртным. Лида была молода, красива, и, как любая нормальная женщина, хотела семью и детей. Однажды она встретила мужчину, который мог дать ей то, чего она желала. В злополучный вечер она обо всем рассказала любовнику, сказала, что очень благодарна за всё и попросила отпустить. Михаил был пьян, от слов девушки пришел в бешенство и задушил её собственными руками. Всё это Сергей установил довольно быстро, но докладывать руководству о проделанной работе не спешил, как и не торопился лично встречаться с подозреваемым. Какой-то внутренний тормоз останавливал его, а внутренний голос убеждал подождать. Ждать пришлось недолго. С Сергеем встретился начальник Отдела ГСБЭП, сказал, что Михаил – его друг и давний деловой партнер, и ему будет очень неприятно, если у Михаила возникнут серьезные проблемы. В то же время ему было бы очень приятно осуществить давнее желание Сергея бороться с экономической преступностью и взять его на работу под своё начальство, к чему прилагались ключи от автомобиля ВАЗ 21099 с генеральной доверенностью на имя Теплова Сергея Александровича, паспорт, мобильный телефон и сёретки Звягинцевой Лидии Ивановны. Сергей долго не

думал, понимая, что такой шанс упускать нельзя, Михаил со своими бабками и связями всё равно отмажется, а у него больше такой возможности может и не быть. С места встречи Сергей уехал на собственном автомобиле, а через несколько дней в квартире умершего от передозировки наркомана обнаружили паспорт, телефон и серьги Лиды. Убийство было раскрыто. Оказалось, что наркозависимый житель Симферополя с целью ограбления проник в квартиру, где напал на гражданку Звягинцеву, убил её и похитил из квартиры деньги, мобильный телефон, паспорт и золотые изделия, принадлежащие жертве, однако спустя несколько дней этот наркозависимый преступник скончался от передозировки наркотиков.

После того как дело было закрыто, капитан милиции Теплов Сергей Александрович перешел на работу в Отдел ГСБЭП Симферопольского городского управления, где и стал трудиться, борясь с экономической преступностью, не забывая, впрочем, и о себе. Уже через пару лет он смог позволить себе купить приличный немецкий автомобиль и квартиру, в которую и переехал, но тут вмешалась мать, не отпустившая сына на постоянное самостоятельное проживание, считая своим священным долгом заботиться о ребёнке, который так много работает и у которого нет времени на стирку, готовку, глажку и всякие подобные женские обязанности. «Вот женишься, детей заведёшь – иди жить своей семьёй, пусть жена тебе готовит и стирает, а пока будешь жить со мной, тебе удобней и мне спокойней», – сказала мать, как отрезала. Сергей вернулся обратно к матери, что, впрочем, не особенно его огорчило. Жить с мамой было удобно, жениться он пока не собирался, а квартиру использовал для любовных утех, коим при улучшении благосостояния стал предаваться чаще. Работа приносила деньги, но не приносила удовольствия. Достигнув определенного уровня материальной обеспеченности, Теплов всё больше чувствовал бессмысленность того, чем занимался в рабочее время, и часто вспоминал дни, проведенные в розыске, задумываясь над сменой места работы. Но и тут за него всё решили обстоятельства.

В 2012 году в Украине произошла очередная реформа, и был принят Уголовный процессуальный кодекс⁶, который предписывал расследовать уголовные дела абсолютно по-новому, по-европейски. Любое поступившее заявление, зарегистрированное в соответствующем реестре, автоматически считалось уголовным делом и поступало в производство следователя, в связи с чем штат оперативных работников сокращался, а штат следователей увеличивался. Так как Сергей был на хорошем счету, а пригласивший его на работу в ГСБЭП начальник, уже перешел на повышение и боролся с экономической преступностью на республиканском уровне, ему предложили поработать следователем главка автономии. Сергей долго не думал и согласился. Работа была новая и пока мало кому понятная, но Теплов быстро с ней освоился, заведя ценные связи в прокурорской и судейской среде, не считая зазорным преподнести нужному человеку дорогой подарок, а где надо прогнуться и промолчать, и уже через несколько месяцев чувствовал себя как рыба в воде. На работе особо не горел, делал то, что положено, умело маневрируя между государственными, служебными и личными интересами, стараясь, чтобы ни один из них не уступил другому в важности.

---

⁶ Новый Уголовно-процессуальный кодекс Украины начал действовать в ноябре 2012 года

Глава 4

Придя на работу в это зимнее утро, Теплов первым делом позвонил одной знакомой, особе привлекательной и давно будоражащей его мысли своей недоступностью, и, дождавшись сонного и недовольного «Алло», сказал:

– Доброе утро, Натали. Хотел оказаться первым, кто сегодня скажет тебе это и поведает, что начался новый день, сулящий нам радость и незабываемые положительные эмоции.

– Ты – нахал, думающий только о себе, Теплов. Разбудил меня почему зря.

«Что-то часто меня стали называть нахалом» – улыбнувшись, подумал Теплов, а вслух сказал:

– Увижу ли я тебя вечером, свет очей моих?

– Ну, мы же договорились, в семь.

– Целый день буду думать только о тебе. Спи дальше. До встречи.

Положив телефон на стол, он приступил к работе, пытаясь как можно быстрее дописать обвинительный акт по делу. На календаре значилось тридцатое января, месяц уверенно подходил к концу и дело уже поставлено в отчёт, как направленное в суд, а закончить обвинительный акт Теплов всё не мог, дотянув до момента, когда дело должно быть сдано уже сегодня. Голова была ясная, дело не сложное, а планы на вечер многообещающие, поэтому работал Теплов усердно, не отвлекаясь на постороннее.

Зазвонил телефон. Внутренний. Теплов снял трубку:

– Сергей Александрович, зайди ко мне, – голос и интонация Напряшкина Николая Ильича, начальника следственного управления, на вид большого усатого увальня с добрыми серыми глазами, а на деле жёсткого и принципиального руководителя, не предвещали ничего плохого.

– Иду, – отозвался Сергей, положил трубку, сохранил напечатанный текст, закрыл файл, одел наброшенный на сумку кресла пиджак, поправил галстук и быстрыми шагами вышел из кабинета.

Воспитанник детдома, начавший свою милицейскую карьеру в советские времена участковым, в силу личных качеств и трудолюбия дослужившийся до начальника следственного управления главка республики, Николай Ильич не любил «мажоров», получающих должности благодаря протекции их родителей и покровителей. Поскольку Теплов «мажором» не являлся, Напряшкин выделял его из остальных и Сергей, что называется, ходил у шефа в любимчиках.

Кабинет Теплова был на третьем этаже, а начальство располагалось на втором. Спустившись на этаж и следуя по длиннущему коридору Теплов раздумывал о причине вызова к руководству, но ничего так и не смог предположить, грехов за собой не чувствовал, со сроками всё было в порядке, с прокурорскими не ссорился. Открыв дверь в приёмную, Теплов улыбнулся секретарше шефа, даме неопределённого возраста с толстым слоем косметики, высокой причёской, глубоким декольте и неизменными бусами на шее, каждый день разными,-

– Доброе утро, Любовь Денисовна. Меня шеф вызвал.

– Здравствуй, Серёжа, проходи.

Теплов зашел в кабинет. В кабинете, помимо Напряшкина, сидел начальник УГСБЭП Зиновьев Иван Иванович, отлично знакомый Теплову по работе в городском управлении, и опер управления ГСБЭП Дима Полторашко, однокашник Сергея по университету внутренних дел, сын небезызвестного на полуострове бизнесмена. Отец «мажора» ежемесячно платил сыну собственную «зарплату», раз в десять превышающую получаемую им на службе, с одной лишь целью – чтобы сын не вздумал «зарабатывать» профессией. Дмитрий был хорошим сыном, отца уважал и боялся, поэтому ни в каких «операциях» со своими коллегами не участвовал, отцовской «зарплаты» ему вполне хватало.

– Доброе утро, Николай Ильич, вызывали. Здравствуйте, – Теплов подошёл и поздоровался за руку за всеми находившимися в кабинете коллегами.

– Доброе утро, Сергей, вызывал, присаживайся, – Напрюшкин, побухтев в усы, что было всем известной привычкой, иногда копируемой подчиненными, пересказывающими разговор с шефом, указал на стул справа от себя. Послушай, может что и получится. Давай, Дмитрий, расскажи ещё раз.

– Значит так, – начал Полторашко, слегка одернув великолепно на нем сидевший пиджак от «Ван Лаак», – В селе Л...ом, что под Алуштой, замечательные краевиды и земли неосвоенной много. Заправляет там сельский голова – Карапетян Гурген Ашотович, который этими самыми краевидами и подторговывает. Депутаты – все его, население его любит, поскольку денег на село голова не жалеет, в общем чувствует себя спокойно и комфортно, через сессию может любое решение протянуть, – Дима сделал паузу. – Есть у нас в стране уважаемый человек – Георгий Александрович Смелый, ты его Серёжа часто по телевизору видишь, он же Жора Дебальцевский, человек близкий к семье, сам понимаешь какой. Решил, значит, дядя Жора, комплекс развлекательный построить с видом на море, и очень ему для этих целей Л...ое приглянулось. И нужно-то ему совсем немного, всего два гектара. Заслал он гонца к Гургену Ашотовичу, тот сказал, что никаких проблем с землей не будет и озвучил сумму в двести тысяч долларов, которая поможет обойти острые углы вопроса. Сумма для дяди Жоры вполне приемлемая, привлечь админресурс и обращаться наверх не нужно, проще и спокойней самому решить всё за деньги. Ударили по рукам. Гурген обещал решение на январской сессии. В январе сессия прошла шестнадцатого числа, ровно две недели назад, этот вопрос даже не поднимался. Серьёзные люди забеспокоились. Гонец на днях приехал, а Гурген говорит, что время смутное, страна в опасности, и цена вопроса выросла до полумиллиона долларов, хочет всю сумму сразу и быстро. Дядя Жора решил, что его перестали уважать и попросту кинули, события в стране также спокойствия нервам не добавляют, поэтому решили нерадивого чиновника «слить». Все вопросы с землей за половину ранее озвученных расценок готов решить секретарь совета, некий, – тут Дима заглянул в папку, – Глушко Максим Петрович, с которым контакт уже установлен. Гонец с Гургеном общаются нормально, постоянно на связи, Гурген гонцу доверяет. Наш человек сидит в Ялте, купается в бассейне, пьёт водку, девок щупает и ждёт команду. Его заявление, объяснение и протокол допроса без числа и без фамилии следователя у меня, пока не регистрировал, зарегистрировать, поставить дату и присвоить номер можно в любой момент. Загвоздка одна – денег нет. Дядя Жора денег не дал, обещал гонцу выдать ранее оговоренную сумму по факту решения вопроса.

Теплов думал. Если Смелый готов всё-таки заплатить двести тысяч долларов за решение вопроса по земле, а секретарь совета, в случае если Карапетяна задержат на взятке, решает этот вопрос за половину, то есть за сто тысяч долларов, то «сотка», по всей видимости, полагаются в качестве премии за хорошо выполненную работу.

– Кто ещё знает об этом? – спросил Теплов напрямую. А чего тут таиться, если всё и так озвучено предельно ясно.

– Мы четверо и доверенное лицо Смелого, ты его не знаешь, он не местный, сейчас находится в Ялте, ждёт нашего звонка, – включился в разговор Зиновьев. Иван Иванович, всегда элегантный и дорого пахнущий мужчина под пятьдесят, всю свою сознательную жизнь отдавший на борьбу с экономическими преступлениями, также как и Полторашко носивший исключительно брэндовую одежду, выглядел уставшим и немного помятым.

Видимо «бодун», перебрал вчера дядя Ваня, – подумал Теплов. – Значит сумма премиальных (именно так он решил для себя называть неосвоенную сумму в сто тысяч долларов) делится на пятерых, – мгновенно вернулся Сергей мыслями к сути вопроса. С учетом того, что полковники имеют свой интерес, то больше, чем «десятку» тут не заработаешь. Однако сумма в десять тысяч долларов тоже выглядела весьма привлекательной, а главное абсолютно

безопасной. Делай качественно свою работу и получай за нее премию. Именно так работает весь цивилизованный мир. Но, ведь есть же ещё прокурор.

– А прокурор? – продолжал выяснять обстоятельства Теплов.

– Прокурор, в случае выявления факта получения взятки, будет выполнять свою работу и действовать в рамках предоставленных ему законом полномочий, – Напрюшкин, единственный из присутствующих одетый в форменную одежду с тремя большими звёздами на каждом плече, как всегда был лаконичен и понятен.

Ага, значит, прокурора мы отбрасываем, нормально, – продолжал рассуждать про себя Теплов.

– Я так понимаю, что нужно найти полмиллиона долларов, которые было бы можно передать в качестве взятки? – задал Теплов следующий вопрос.

– Правильно понимаешь. Где и как найти нужную сумму решать вам с Димой. Понимаю, цифра большая, но безвыходных ситуаций не бывает. К тому же эти деньги нужны на время, потом они всё равно вернутся тому, кто их дал. Прошуршите по коммерсантам, менялам, вдруг получится. Найдёте – вы в теме, не найдете – будем считать, что оперативная информация не подтвердилась. Свободны, – разговор закончил Зиновьев. Он явно чувствовал себя неважно, и по последним словам было слышно, что полковника мучает жажда.

«Точно с «бодуна», – поставил окончательный диагноз Теплов.

Теплов и Полторашко вышли из кабинета Напрюшкина несколько напряженными. С одной стороны откровенный разговор сразу с двумя начальниками управлений свидетельствовал о полном доверии со стороны руководства, а с другой, ставил практически невозможную задачу, невыполнение которой сулило свести на нет то доверие, которое усматривалось с первой стороны.

– А сегодня нельзя? – Любовь Денисовна, секретарь Напрюшкина, с кем-то разговаривала по телефону и заметно нервничала. – А завтра?

Ей что-то отвечали.

– Очень жаль, – сказала Любовь Денисовна и повесила трубку. – Всё через жопу. Извините, нервы, – извинения предназначались Теплову и Полторашко. – Всё в порядке, мальчики?

– У нас всё ровно, – ответил Полторашко. – А у Вас что случилось, может помощь нужна?

– Звонила в бухгалтерию, Зоя Петровна сказала, что деньги на зарплату привезли. С банком что-то случилось, по безналу не перевели, из-за событий в стране наше казначейство в Киев наличку тоже не может несколько дней отправить, поэтому привезли наличными, на всю милицию Крыма, но выдавать будут не сегодня, а только в понедельник, третьего числа. Ну разве так можно, а, мальчики? Привезли – выдайте. Нет, всё в этой стране через жопу. Серёжа, что с тобой, ты в лице изменился, плохо, что ли?

Теплов и вправду на мгновение изменился в лице, потом улыбнулся, подошел и громко поцеловал в щеку секретаршу, сразу же почувствовав на губах противный привкус тонального крема и пудры.

– Всё в порядке, даже лучше чем было. Спасибо, Любовь Денисовна. А ну пошли назад, – Теплов и Полторашко зашли обратно в кабинет Напрюшкина. – Тук, тук, тук. Разрешите, идея одна появилась.

– Ну, заходите, садитесь. Чай будете? – Напрюшкин и Зиновьев пили чай, который второму заметно шёл на пользу, поскольку цвет лица Ивана Ивановича постепенно возвращал свой обычный, слегка розоватый оттенок.

– Не откажусь, – бодро сказал Полторашко и Напрюшкин пододвинул ему чистую чашку.

– Сам нальешь, вон, на маленьком столике.

– Я чай не буду, я лучше расскажу. – Теплов был взволнован.

– Излагай, – Напрюшкин откинулся в кресле и снова что-то буркнул в усы. – Слушаем.

– Сегодня в нашу финансовую часть привезли деньги, зарплату для всей милиции Крыма, наличными. Из-за событий в Киеве через банк провести не удалось, казначейство наше, крымское, наличность на Киев отправить не может уже несколько дней, поэтому наличку дали нам на зарплату.

– Откуда ты это знаешь, даже я этого не знаю, – оживился Зиновьев, который после чая и таблетки «Пенталгина» постепенно возвращался к жизни.

– Знаю, Иван Иванович. Сорока на хвосте принесла.

– Не отвлекайся, продолжай, – Напряшкин улыбнулся в усы и опять что-то пробурчал. Он тоже не знал о прибытии в учреждение крупной партии наличности, но ему было приятно, что именно его теперешний работник утер нос бывшему шефу.

– Так, вот, – продолжал Теплов. – Я не знаю, какая это сумма, но насколько хватает моих довольно средних математических способностей, то можно предположить, что, сумма месячной зарплаты для всей милиции Крыма никак не меньше семи-восьми миллионов гривень, а нам нужно всего четыре, по курсу⁷.

– Ты хочешь зарплатные деньги на взятку использовать?

– Ну, дайте же договорить. Зарплату будут выдавать третьего февраля, в понедельник, сегодня тридцатое января, четверг. Получаем деньги, считаем и описываем, составляем заготовки протоколов. Завтра, тридцать первого, вручаем потерпевшему, проводим операцию, даём взятку и изымаем деньги. Нужно это делать утром, потому что возни бумажной много: понятия, аппаратура, протоколы, успеть бы закончить к вечеру. Первого, в субботу, работаем с подозреваемым и потерпевшим, пишем бумаги. Может быть, выходим с санкцией на арест. А в воскресенье, когда никого нет, договорившись, естественно, заранее, идем к следственному судье, в наш родной К...ий районный суд, он осматривает денежки и выносит определение о дальнейшем распоряжении вещественными доказательствами – передать людям в качестве заслуженной заработной платы. Таким образом, третьего февраля все деньги будут розданы на нужды трудящихся, а если потом в суде у какого-нибудь особо умного адвоката возникнет вопрос, а где же вещественные доказательства, деньги должны быть осмотрены, мы ему – вот, пожалуйста, определение следственного судьи, деньги осмотрены судом, признаны вещественными доказательствами и ими распорядились на основании решения суда, всё в рамках нового Уголовного процессуального кодекса.

– Да, действительно, процессуальный закон формально будет соблюден, вещественные доказательства, если их осмотрит следственный судья, могут быть доказательством в суде, достаточно будет материалов в деле, но кто даст добро на проведение такой операции, а Иван Иванович? – Напряшкин пристально смотрел на Зиновьева.

– Не знаю, надо к шефу идти докладывать. Пусть он согласовывает с прокурором. На словах все выглядит неплохо. Но, шутка ли, четыре миллиона. – Зиновьев задумался. – В принципе, всё можно даже официально провести. Финчасть по ордеру выдает деньги на проведение следственно-оперативных мероприятий, также по ордеру через три дня получает их назад. Всё время рядом с деньгами работники «Беркута», для безопасности. В суде вопрос – откуда деньги, такая сумма. Ответ – деньги государственные, всё официально.

Мужчины замолчали, обдумывая услышанное. Тишину разрезал противный писк. Так противно в кабинете начальника следственного управления пищал только один телефонный аппарат, имевший прямую связь со своей точной копией, установленной в кабинете генерала.

– Ну вот, на ловца и зверь, – Напряшкин встал, снял трубку и приосанился. – Здравия желаю, Андрей Федорович. Да, у меня. Да, знаю. Так точно, – Напряшкин положил трубку, расслабился и обратился к Зиновьеву. – Пойдем Ваня к генералу, сразу и доложим. Если даст

---

⁷ Курс украинской гривни к американскому доллару на то время составлял примерно 8 гривень за 1 доллар США

добро, занимаемся. Если нет, то нет. А вы, архаровцы, – обратился Напрюшкин к Теплову и Полторашко, – остаётесь здесь. С моего кабинета ни ногой, чай пейте, операцию обсуждайте.

- Товарищ полковник, у меня дело, обвинительный акт, отчет, и ... – начал было Теплов.
- Потом, Серёжа, потом, – Напрюшкин вместе с Зиновьевым вышли из кабинета.

Глава 5

Идея Теплова наверху понравилась.

Начальник главка Грицай Андрей Федорович, человек уже не молодой, но ещё в меру энергичный, переехал в Крым совсем недавно, желал отличиться и, так сказать, заявить о себе на новой должности. Он лично и немедленно согласовал операцию с прокурором республики. Тот не возражал. Задержание чиновника на взятке, размером в полмиллиона долларов, было бы очень ко двору. Во-первых, показать, что правоохранительные органы работают и не зря свой хлеб едят, во-вторых, в то время, когда народ устал от коррупции и выходит по этому поводу митинговать на площади, мы здесь, в Крыму, с этой коррупцией реально боремся, а значит, руководство милиции и прокуратуры занимаемым должностям соответствует, ну а в-третьих, сейчас начало года, следовательно, подобное актуальное дело будет фигурировать в различных отчетах целый год, что опять же не может не радовать начальство. Риск минимальный. Если чиновник взятку возьмет, то деньги, транзитом через следственного судью, вернутся обратно в финчасть. Возникнет какая-нибудь проволочка, не беда, один-два дня задержки зарплаты, ничего, потерпят, раньше дольше терпели. Если фигурант взятку не возьмёт, то можно сделать вид, что ничего и не было, деньги вернутся сразу же и сотрудники получают зарплату вовремя.

Не успели Теплов и Полторашко допить чай и обсудить сексуальную ориентацию новой работницы канцелярии, милой и застенчивой девушки, мгновенно обратившей на себя внимание мужской половины коллектива и бесповоротно отвергавшей любые, даже самые невинные, предложения, которую на днях видели гуляющей в парке за ручку с такой же молодой и симпатичной барышней, как в кабинет вернулись Напряушкин с Зиновьевым.

– Добро получено, шеф распорядился, чтобы деньги выдали, детали операции обсудили? – не успев даже присесть, выдал Напряушкин.

– Да так, в общих чертах, – замялся Полторашко.

– Значит так. Теплов, заканчивай свои дела, какие есть, чтобы в ближайшие трое суток тебя от работы ничего не отвлекало. Полторашко, регистрируй материалы, как зарегистрируешь сразу ко мне на резолюцию, готовь ходатайство в Апелляционный суд на видеофиксацию операции, у прокурора подпишем, он скоро будет здесь. Ты, Иван Иванович, иди в бухгалтерию, узнавай когда деньги можно получить, ну и детали додумай, а я пока договарюсь с Апелляционным судом, чтобы сегодня срочно рассмотрели наше ходатайство. Сбор у меня в кабинете ровно через два часа, к этому времени и прокурор будет.

Теплов вернулся в кабинет со смешанным чувством досады и радостным предвкушением чего-то интересного.

Чувство досады было вызвано тем, что придется отменять свидание, к которому он так долго готовился. Обхаживал барышню недели две: кино, театр, цветы, шампанское, прогулки по ночному городу, к сожаления пока безрезультатные. Одна романтика. Но сегодня вечером встреча запланирована наконец-то у него дома, и к встрече все готово: свечи, ароматные палочки, чистые полотенца в ванной, лёд и даже взбитые сливки (а вдруг?). Но... Взял телефон, позвонил, дождался ответа.

– Натали, привет. Это опять я. Проснулась уже? Не получается сегодня, никак. Работа долбанная. Себе не принадлежу. Извини.

– Ну ладно, давай тогда в другой раз, – ответила девушка. – Звони.

Не расстроилась даже, вот стерва, – зло подумал Теплов, отключившись, – или показалось? – он встряхнул головой и почесал волосы на макушке, – получится – значит получится, нет – значит и не надо было, – философски рассудил Сергей, – всё, хватит, некогда, об этом думать, надо заканчивать обвинительный акт.

Через полтора часа непрерывного стучания по клавиатуре с редкими отвлечениями для того, чтобы заглянуть в дело, обвинительный акт был готов. Теплов посмотрел в телефон, который отключал на время работы, так как тот постоянно звонил и мешал сосредоточиться, взглянул на часы, взял дело с актом и бодро направился на второй этаж к Напрюшкину. Шеф, не читая и даже не бурча ничего в усы, поставил свою подпись, и Теплов отнёс дело в канцелярию, а также расписался в получении уже зарегистрированного заявления некоего гражданина Гатаулина Р.Р. о вымогательстве у него взятки в особо крупном размере. Заодно Теплов ещё раз рассмотрел новую работницу канцелярии, о которой ходили невероятные для нас, но обычные для европейского менталитета, разговоры. Теплов представив, как она целует и медленно раздевает Машку Соловьеву, сидящую за столом напротив, почувствовал непроизвольный прилив энергии в области паха, икнул и вышел из канцелярии.

Глава 6

Обсуждение операции заняло времени меньше, чем предполагал Теплов. Помимо самого Теплова, Напряшкина, Зиновьева и Полторашко, в кабинете начальника следственного управления находился прокурор прокуратуры республики Раваналиев Ильяс Асанович, назначенный процессуальным руководителем по делу, которое уже находилось в производстве Теплова. Ильяс Асанович был мужчиной в возрасте и имел жгучее желание поскорее выйти на пенсию, куда его не отпускали, затягивая оформление каких-то важных, но по большому счёту никому не нужных справок, чем Раваналиев был очень раздосадован.

Начал Зиновьев, к обеду окончательно пришедший в свое обычное состояние:

– Наш человек, я думаю, что его уже можно называть, Гатаулин Руслан Ринатович, связался с Карапетяном, встретился. Карапетян готов завтра взять деньги в сумме четыре миллиона гривень. Хотел в долларах, но Гатаулин, сославшись на ситуацию в стране, сказал, что есть только гривны и обменять их сейчас на доллары в такой сумме нереально, заверил, что деньги выехали из Донецка и завтра утром будут в Крыму. Договорились о встрече в ресторане «Золотая Рыбка», на перевале, завтра в одиннадцать часов. Деньги бухгалтерия подготовила, но их много, купюры по пятьдесят и сто гривень, получилась огромная дорожная сумка. Очень тяжелая. Я подумал, что серьезным людям необходимо передавать деньги, упакованные солидно, поэтому связался с руководством одного из дружественных нам банков и договорился, что они поменяют наши деньги на аналогичную сумму, но в пачках по пятьсот гривень. Это и по виду солидней и по весу легче. Поменяем сегодня, Полторашко, займешься этим, куда ехать знаешь, тебя там ждут. – Полторашко кивнул. – С «Беркутом» я договорился, дают двух бойцов, которые будут постоянно при деньгах, а также четырех бойцов на завтра, на задержание – «Маски шоу». Гатаулин приедет к шести утра, не надо, чтобы лишние глаза его видели. Деньги поместим, вручим, камеру прицепим, проинструктируем, составим протоколы. Серёжа, времени на писанину хватит, чтобы в полдесятого уже выехать?

– Если до утра перепишу все банкноты, номера и серии, то хватит. Домой уходить сегодня не планирую, буду работать ночью, но один я всё равно не справлюсь, – ответил Теплов, прикинув, что четыре миллиона гривень – это восемьдесят пачек, в каждой пачке сто купюр, то есть надо переписать номера и серии восьми тысяч банкнот, – снять копии точно времени не хватит, а переписать – возможно, но помощники нужны, – дополнил он.

– Помощников я тебе организую – вызовем дежурных следователей из райотделов, не проблема. Полторашко поможет, а, Дима? – Николай Ильич посмотрел на опера, тот снова кивнул. – Ты перепиши номера и серии, подготовь все данные для протоколов, чтобы утром на это время не тратить, – продолжил начальник, обращаясь уже к Теплову. – А копии с купюр потом снимешь, в конце концов, при задержании разложишь их на столе и сфотографируешь, а также на видео снимешь, думаю, достаточно будет, – сказал Напряшкин.

– Группа захвата с ночи будет в «Золотой Рыбке», место им известное, где спрятаться знают, ждут нашего сигнала, – продолжал Зиновьев, – Мы выезжаем немного раньше Гатаулина, сидим в «Надежде», это рядом, и тоже ждём сигнала. Гатаулин с деньгами едет примерно в полчаса после нас, но ровно в одиннадцать часов он должен быть в «Рыбке».

– Кто везет деньги? Мы доверим четыре миллиона Гатаулину, кто это такой, ему можно доверять? – задал вопрос Напряшкин.

– Деньги мы складываем в сумку, это восемьдесят пачек, примерно десять килограммов веса, сумку отдаем Гатаулину. Тот везет деньги на своей машине. Сам. Других вариантов нет, он должен быть один. Я не думаю, что Карапетян будет что-то проверять, но рисковать не стоит. За ним, а также впереди него, едут мои ребята, о деталях операции они не знают, я дам им задание просто сопровождать машину и её пассажира, фиксировать его действия. Кроме того,

пока Гатаулин утром будет у Теплова подписывать бумажки, установим ему в машину камеру, это не совсем законно, зато мы будем спокойнее.

Все, находящиеся в кабинете, одновременно кивнули, и, заметив это, улыбнулись.

– Гатаулин встречается с Карапетяном, беседуют, обедают, он передает деньги. Под любым предлогом Гатаулин должен остаться в ресторане, а Карапетян с деньгами выйти и сесть в машину. Гатаулин подаёт сигнал одновременно нам и группе захвата. Карапетяна задерживает «Беркут» и ждут нас, мы будем через одну-две минуты. Мы приезжаем и сами задерживаем Гатаулина, Карапетян должен видеть, что Гатаулин тоже задержан, пусть у него мысли путаются. Дальше как обычно, следователь с понятыми осматривают содержимое сумки, фотографируют, составляют протокол, светят ручки и тому подобное. Потом все вместе едем в Симферополь, и уже здесь решаем, что делать дальше.

– Что с понятыми? – спросил Сергей.

– У меня две замечательные девочки-курсантки на практике, умницы, красавицы, будут с нами столько, сколько нужно, – оживился Полторашко. Слабость Дмитрия к женскому полу знали все.

– Нет, – отрезал Напряушкин, – девочки-практикантки на операцию не поедут. Потом, когда Теплов будет осматривать и приобщать, пригласишь своих девочек, а на задержание нужны другие.

– Есть у меня два надежных мужика, позвоню, завтра утром будут, – заверил Зиновьев.

– Хорошо, какие вопросы по операции? – осведомился Напряушкин, – вопросов нет. Прокурор как думает?

– Со всем согласен. Давайте подпишу, что от меня надо, и я поехал, спешу. Держите меня в курсе. Завтра увидимся.

Полторашко достал из папки загодя подготовленные документы и подал их прокурору. Ильяс Асанович поставил свою подпись там, где это положено, встал, попрощался за руку со всеми присутствующими и удалился. Полторашко отдал документы Теплову.

– Я тут от твоего имени кое-что подготовил, – словно извиняясь, сказал он.

– Нормально, – буркнул Теплов и стал смотреть бумаги. Ему никогда не нравилось, что кто-то что-то делает от его имени, он привык всё контролировать и отвечать за каждую составленную бумагу лично, но в данной ситуации было дорого время, к тому же документы, составленные Полторашко от его имени, выглядели довольно прилично и Теплов смягчился. Тут были необходимые постановления, которые выносит следователь на начальном этапе расследования, и даже постановление о создании следственно-оперативной группы, куда заботливый Полторашко включил себя и Зиновьева, назначив старшим Теплова. Там где надо документы уже были завизированы прокурором, не хватало только подписей самого Теплова.

– Тогда я поехал в суд за санкцией, – сказал Теплов.

– Езжай, тебя ждут. Давайте за работу, Дима, бери «беркутов», дуй в банк, меняй деньги и назад, к Теплову. Серёжа, ты после суда мигом на работу и готовь всё на завтра, – распорядился Николай Ильич.

Теплов и Полторашко, договорившись встретится в 18–00 у Сергея, разбежались. Напряушкин и Зиновьев остались в кабинете.

– Что думаешь, Коля, получится? – спросил Зиновьев.

– А почему нет, Ваня, ребята толковые. Если не произойдет ничего непредвиденного, то всё у нас получится, – уверенно ответил Напряушкин.

Глава 7

Проблем с получением санкции, как и говорил начальник, у Теплова не было. Выйдя из здания Апелляционного суда, Теплов посмотрел на часы. 16–30. До встречи с Полторашко полтора часа. Полторашко и полтора – интересный каламбур получился, подумал он. А я ж сегодня даже и не ел ничего, неожиданного вспомнилось Сергею и сразу же зажурчало в животе. А завтра я в лучшем случае выпью кофе с каким-нибудь пирожным в «Надежде» не раньше, чем в десять утра. Надо срочно что-нибудь съесть, – решил Сергей и поехал в «Диканьку», там не дорого, а еда приличная, к тому же до работы не далеко. Дожидаясь заказа, Теплов позвонил маме, сказал, что его срочно отправили в командировку в Керчь на два дня, поэтому дома сегодня он не появится. Заверив Валентину Пантелеевну, что условия для проживания у него приличные, а еда жидкая и горячая, Сергей отключился. Говорить маме, что он в Симферополе и ночует на работе нельзя ни в коем случае, будет названивать, а то и приедет, привезет еду и чистую одежду. Кстати, о чистой одежде. В кабинете у него ничего чистого не осталось, а ходить и вонять он не хочет. Наскоро съев обед, состоящий из «татарского» салата и сковородки «От солохи» с картошкой и мясом, и запив это стаканом томатного сока, Сергей быстро заехал на квартиру, с сожалением окинув взглядом свои приготовления к сегодняшнему вечеру, который должен был стать незабываемым, принял душ, переделся, взял с собой комплект чистого белья и свежую рубашку, но к оговоренному сроку всё равно опоздал. На работе он был в 18–40. Три дежурных следователя из симферопольских райотделов с ноутбуками уже ожидали Теплова около кабинета. Поздоровавшись с женщинами, а следователи относились к прекрасной половине человечества, Теплов открыл дверь и сразу же позвонил Полторашко:

– Ты где? Я уже на месте.

– Выходим из банка. Минут через двадцать будем у тебя. Отбой.

Пока Полторашко вёз деньги, Теплов инструктировал следователей:

– Значит так. Сейчас привезут деньги, четыре миллиона гривень, восемьдесят пачек пятьсотгривневых купюр. Завтра эти деньги должны быть вручены под протокол одному гражданину. Вы сами следователи и знаете, что в протоколе вручения денег должны быть переписаны номера и серии каждой банкноты. Если это делать завтра с понятиями, как положено, то на это уйдет уйма времени, которого у нас нет. Поэтому к утру все банкноты должны быть переписаны, я их сведу в общий список и завтра просто перенесу эти цифры в протокол. Чем быстрее закончим, тем раньше я вас отпущу.

Поставленная задача была понятна и женщины стали готовиться к её выполнению, доставая ноутбуки и пытаясь поудобнее устроиться в небольшом кабинете Теплова.

Дождавшись двух «беркутов» в полной амуниции и с автоматами, которые представились, как Тимур и Володя, Дима Полторашко получил в финчасти сумку с деньгами. Убедившись, что сумка действительно тяжелая, а у него нет желания подвергать свой молодой организм чрезмерным физическим нагрузкам, Дима отдал сумку «беркутовцу» Володе.

Оперативника в банке ждали и сразу же проводили в небольшую комнату, где находились два охранника, женщина и машинка для пересчета денег. Женщина стала доставать деньги из сумки, засовывать их в машинку, а потом пересчитанные купюры запечатывать бумажной лентой. Процесс был настолько долгий и скучный, что Дима задремал. Очнувшись, он обнаружил, что женщина всё ещё пересчитывает деньги из сумки. От нечего делать Дима внимательно стал разглядывать охранников банка и работников «Беркута», прибывших вместе с ним, отметив, что выражение лиц у всех четверых абсолютно одинаковое. Мысленно переодев охранников в форму «Беркута», а «беркутов» в форму охранников банка, Дима, опять же мысленно, стал играть в игру «найди десять отличий» и так ею увлекся, что не заметил, как деньги из сумки были пересчитаны. Сказав, что всё верно, женщина сложила пересчитанные деньги на специ-

альную тележку и пододвинула к охранникам. Теперь пришел черед пятьсотгривневых банкнот. Тут уж Дмитрий смотрел внимательно. Пересчитав и упаковав восемьдесят пачек пятьсотгривневых купюр, женщина сложила их в сумку и, спросив всё ли в порядке, удалилась вместе с охранниками и тележкой через дверь, внезапно образовавшуюся в стене позади нее. На сей раз Дима сумку взял сам и гордо нёс до машины, где, вздохнув, отдал и сел за руль. Тут ему и позвонил Теплов. Заведя двигатель, Полторашко посмотрел на часы и, обнаружив, что времени на переодеться и покушать у него нет, вздохнул ещё раз, направив автомобиль в сторону милицейского главка.

Глава 8

Разделив деньги на пять равных частей по шестнадцать пачек, Теплов, Полторашко и следователи принялись за работу, которая была не столько сложной, сколько утомительной. Переписав очередную пачку, её схватывали резинкой и складывали в спортивную сумку тёмно-синего цвета, которую принёс Теплов. Сумка была значительно меньше и удобней той, в которой деньги прибыли в кабинет Сергея. Полторашко не выдержал первым и сразу после полудня сказал, что его это достало, он хочет в душ, хочет есть и хочет спать, после чего отбыл восвояси, пожелав всем, гад, спокойной ночи. Следователи-женщины оказались более исполнительными сотрудниками, молча разделив оставшиеся после Полторашко пачки с деньгами между собой, продолжили вбивать в электронную память своих ноутбуков буквы и цифры. Когда работа была закончена, шёл четвертый час. Теплов, скопировав на свой компьютер данные, набранные следователями и Полторашко, сказал женщинам «Спасибо» и отпустил их домой, а сам ещё раз пересчитал пачки с деньгами, уложил их в сумку аккуратным «кирпичиком» и свёл все файлы в один список, который сохранил под именем «4 миллиона».

Оторвав глаза от монитора компьютера, Теплов посмотрел на часы – 3 часа 49 минут. Оба «беркута», призванные охранять денежные средства и их владельца, которым в настоящий момент временно являлся Теплов, мирно похрапывали, сидя на стульях по обе стороны входной двери, склонив свои могучие головы на не менее мощные груди, вытянув ноги и упершись каблуками ботинок в край коврового покрытия, лежавшего овалом в середине кабинета. А если попытаться выйти из кабинета, заметят или нет? – подумал Сергей, но пробовать не стал. Глаза слипались, день намечался тяжёлый, надо было поспать, хоть пару часиков. Сергей застегнул сумку и засунул под стол, разбудил «беркутов», которые, открыв глаза, в один голос заявили, что они не спали. Теплов сказал, что ложится спать на диване, а они остаются в кабинете сторожить сокровища, а разбудить его надо ровно в 5 часов 50 минут. Тимур и Володя сказали, что всё поняли, а Сергей лёг на диван и закрыл глаза.

Проснулся Теплов от того, что его трясли за плечо. Он открыл глаза и увидел улыбающегося Диму Полторашко, посмотрел на часы – 5-50. Дима протянул ему стаканчик кофе из «Макдональдса» и показал на чизбургер, лежащий на столе.

– На, пей и ешь. Ещё есть время душ принять. Я здесь уже минут тридцать, хотел разбудить тебя раньше, но эти церберы, – Дима, выглядевший как всегда безупречно в сером пальто от «Тома Брауна» и такой же цены туфлях, кивком показал на «беркутовцев», – сказали, что тебя можно разбудить ровно в 5-50, и ни минутой раньше. Спорить я с ними не стал, сгонял в «МакДо» за кофе.

– Спасибо, – сказал Теплов, отхлебнул кофе. – Я в душ, через десять минут буду. Когда приедет Гатаулин?

– Гатаулин звонил, подъезжает, скоро будет. Понятых Зиновьев ровно в шесть забирает на площади Советской и привозит сюда.

– Хорошо. – Теплов из шкафа взял полотенце, чистое бельё и вышел из кабинета.

Приняв душ, переодевшись в чистое, и выпив кофе с чизбургером, Сергей почувствовал себя лучше и был готов к работе.

В 6-10 в его небольшом кабинете собралась куча народу: Зиновьев, Полторашко, два «беркута», двое понятых, Гатаулин и специалист из технического отдела, который должен был прикрепить к телу и одежде Гатаулина видеокамеру и микрофон, а также пометить деньги специальным аэрозолем. Поскольку денег было много, было принято решение метить только первую и последнюю купюру в пачке, что и было сделано в присутствии понятых.

Гатаулин, мужчина средних лет с умными глазами и тоненькими седоватыми усиками на верхней губе, одетый дорого, но неброско, чувствовал себя уверенно, лишних вопросов

не задавал, молча исполняя всё, что ему говорили. Понятые, два здоровых мужика лет под тридцать, которых привел Зиновьев, судя по поведению, не первый раз принимали участие в оперативных мероприятиях, и тоже суеты не добавляли.

Пока Теплов составлял протокол, в котором отразил, что гражданину Гатаулину Р.Р., с целью проверки его сообщения о готовящемся преступлении, а именно получении взятки в особо крупном размере, выданы денежные средства в сумме четыре миллиона гривен, купюрами по пятьсот гривень с указанием их номеров и серий, которые упакованы в пачки по сто купюр в каждой, первая и последняя банкноты помечены специальным химическим веществом (образец данного химического вещества отобран на ватный тампон и упакован в бумажный конверт с подписями следователя и понятых), которые помещены в спортивную сумку синего цвета и т. д., работник технического отдела прикрепил на Гатаулина видеокамеру и микрофон, после чего составили ещё один протокол – о применении специальных средств, а именно средств видео– и аудиофиксации преступления.

Когда протоколы были подписаны следователем, специалистом, заявителем и понятыми, Гатаулин проинструктирован, а Теплов собрал в специальную сумку ноутбук, флэш-карту и переносной принтер, работающий на батарейках, Зиновьев попросил всех присутствующих присесть на дорожку, а потом, сказав «Ну, с Богом», первым вышел из кабинета.

Несмотря на то, что следователь считался старшим следственно-оперативной группы и должен был лично руководить всеми процессами в ходе предстоящей операции, Теплов знал, что у Зиновьева, имевшего стаж оперативной работы более двадцати лет, это получится лучше, поэтому сев в машину, от кофе и пирожных в «Надежде» он отказался, беспокоить себя по пустякам запретил, и уснул.

Глава 9

Проснулся Теплов сам, видимо сработал внутренний будильник, приобретенный за годы работы в милиции, пока сбоев не дававший, извещая о необходимости лично включиться в происходящие события, посмотрел на часы, 11–00 – время встречи Гатаулина с Карапетяном. Сергей комфортно лежал на заднем сидении автомобиля Зиновьева «Audi A-8», подложив под голову плюшевую панду, обычно сидевшую под задним стеклом, и прикинул, что проспал примерно два часа. Чувствовал он себя отлично. Медленно переместив тело из горизонтального в вертикальное положение, и сев, Сергей потянулся, достал телефон и осмотрелся. Автомобиль находился на парковке ресторана «Надежда». Коллег видно не было. Наверное, внутри, кофе пьют, – решил он. От них теперь ничего не зависело. Операция шла своим ходом, все ждали сигнала Гатаулина. Посмотрев на телефон и обнаружив двенадцать неотвеченных вызовов и три смс-ки, Теплов кому-либо перезванивать не стал, вышел из машины и закурил. Курил Сергей редко, зависимости от никотина не испытывал и мог обходиться без курева неделями, но сигарета позволяла успокоить нервы и собраться с мыслями.

Ресторан «Надежда», а в нескольких сотнях метров от него и ресторан «Золотая Рыбка», располагались на полпути между Симферополем и Алуштой, вблизи Ангарского перевала. Теплов не переставал удивляться, почему в Симферополе погода мерзкая и противная, ветер, дождь и слякоть, а здесь, в горах, светит солнце и воздух особенный, чистый и прозрачный. Посмотрев на заснеженные шапки гор, Теплов впервые подумал о Карапетяне Гургене Ашотовиче, что это за человек, ведь он о нём ничего не знает, как-то некогда было изучать. Армянин, голова сельского совета, член «Партии регионов», вот и всё, что он о нём знает. Через несколько минут Карапетян получит взятку в четыре миллиона гривен, будет задержан, потом арестован, затем осужден и отправится отбывать наказание в колонию, куда-нибудь в Запорожскую область. Планы его разрушатся, будущее детей, казавшееся таким светлым и безоблачным, покроется туманом, а вся семья будет судорожно пытаться спасти как можно больше непосильным трудом нажитого имущества от ареста и последующей конфискации. В общем, через несколько минут жизнь семьи Карапетян навсегда изменится. Теплов попытался самому себе ответить на вопрос – виноват ли будет лично он в несчастьях, которые свалятся на их долю, и аукнутся ли ему его поступки в последующей жизни, но не успел. Из задумчивости его вывел Зиновьев, как-то незаметно подошедший сзади.

– Быстро в машину, – рявкнул полковник.

Погрузка в машины заняла не более десяти секунд и уже через минуту Теплов, Зиновьев, Полторашко, эксперт и двое понятых вылезали из машин около ресторана «Золотая Рыбка».

На капоте новенького «BMW X-5», конечно же, чёрного цвета и тонировкой, лицом вниз на животе полулежал невысокий полноватый мужчина с черными с проседью волосами, одетый в строгий коричневый костюм с ярким галстуком, который выбился из-под пиджака и свешивался с машины, обрамляя радиаторную решетку. Его руки за спиной крепко удерживались двумя здоровенными парнями в форме «Беркута», еще два бойца стояли по бокам машины с автоматами. Некоторые посетители ресторана вышли на улицу и внимательно наблюдали за происходящим. Через несколько секунд работники милиции из ресторана вывели под руки Гатаулина.

– Дамы и господа, просьба соблюдать спокойствие, – Теплов начал работу, – На ваших глазах сотрудниками милиции произведено задержание человека, подозреваемого в совершении преступления. Ничего необычного и сверхъестественного не произошло. Возвращайтесь в ресторан и приятного всем аппетита.

Дальше всё было так, как всегда происходит в подобных случаях. Полторашко оформлял снятие микрофона и видеокамеры с Гатаулина, а Теплов стал осматривать место проис-

шествия. Один из молодых оперов фиксировал происходящее видеокамерой. Сумка с деньгами оказалась на заднем сидении автомобиля Карапетяна, и её содержимое было осмотрено в одном из домиков, предоставленных администрацией ресторана для работы следственно-оперативной группы. Денежные пачки были разложены на столе, описаны и сфотографированы. Освещенные специальной лампой, деньги и сумка светились приятным желтым светом, а руки Карапетяна нет. Зафиксировав и описав увиденное, опечатав сумку с содержимым, изготовив с помощью ноутбука и переносного принтера протокол осмотра места происшествия (номера и серии банкнот заново переписывать не пришлось, поскольку у Сергея имелась флэшка с файлом «4 миллиона», и компьютерная техника заметно облегчила его работу, сэкономив время), Теплов зачитал протокол вслух и предложил подписать его всем присутствующим. Карапетян от подписи в протоколе отказался. Надо сказать, что единственной фразой, которую произнес Гурген Ашотович после задержания, была фраза «Я требую адвоката», после чего замолчал и на вопросы не отвечал, однако внимательно следил за всем происходящим.

Здесь же Теплов объявил Карапетяну о том, что тот задержан по подозрению в получении взятки и составил протокол задержания, разъяснив Гургену Ашотовичу его права и обязанности, на что задержанный снова потребовал адвоката и от подписей в каких-либо документах отказался.

В Симферополь Теплов возвращался за рулем автомобиля Карапетяна. На переднем пассажирском сиденье лежали портфель с документами, ноутбук и принтер, а сзади сидели два работника «Беркута», между которыми покоилась опечатанная спортивная сумка синего цвета, стоимостью в четыре миллиона гривен.

Телефон Теплов отключил, сказав всем, что тот разрядился, и он какое-то время до Симферополя будет без связи. Ему сейчас нужно было побыть одному, подумать о том, что будет дальше, правильно ли он всё делает, и подготовиться к общению с Гургеном Ашотовичем, которое непременно должно состояться сегодня, по приезду в Симферополь. От размышлений Сергея никто не отвлекал, детище немецкого автопрома вело себя отлично, ровное урчание мощного двигателя только способствовало мыслительному процессу, а «беркуты» разговорчивостью не отличались, не произнеся за время дороги ни слова. Автомобили работников милиции ехали не быстро, колонной, и правил дорожного движения не нарушали. Теплов пристроился в хвост автомобилю Зиновьева, руки и правая нога автоматически делали свою работу, удерживая машину на дороге и заставляя её двигаться с нужной скоростью в нужном направлении, а мозг работал автономно по собственной программе. Дорога до Симферополя заняла не более получаса, и по приезду на работу Теплов уже составил план своих действий на будущее и чётко знал что, где, когда и как он будет делать дальше.

Карапетян от дачи показаний отказался, требовал адвоката. Весть о его задержании распространилась быстро и родственники уже пригласили защитника, который должен был приехать вечером. Теплов решил события не форсировать, дать Карапетяну пообщаться с адвокатом, в конце концов, это его законное право, и перенёс допрос подозреваемого на завтрашнее утро. Допросив Гатаулина и записав его показания, Теплов привел имеющиеся у него документы в порядок, подшил их и посмотрел на часы – 18–10. Через двадцать минут сбор у Напряшкина. Голова шумела и отказывалась выдавать стройные мысли. Сергей понял, что устал и решил, что на сегодня работник из него никудышный.

Опечатанную сумку с деньгами Теплов убрал в шкаф. Ему ещё было нужно осмотреть содержимое сумки с участием понятых, составить соответствующий протокол и постановлением приобщить деньги к материалам дела. Скопировать имеющиеся данные с номерами и сериями банкнот в другой файл – дело одной минуты. Девочек-понятых организует Полторашко, он обещал. «Завтра. Всё завтра – думал Теплов, – или даже послезавтра». Пересчитывать купюры, снимать с них копии, да и вообще брать деньги в руки следователь не собирался

– первая и последняя банкноты в пачках были помечены сильным химическим веществом, которое мылом не отмоешь, а светиться, как новогодняя ёлка, Сергей желанием не горел.

«Беркутов», участвовавших в задержании и сопровождавших сумку из ресторана в Симферополь, имен которых Теплов так и не спросил, сменили уже привычные Тимур с Володиёв, сидевшие, как и вчера, на тех же стульях в тех же позах по обе стороны входной двери и смотревшие на Теплова. В их глазах Сергей уловил невысказанную просьбу и попытался догадаться, что беспокоит бойцов.

– Чай будете? – спросил Теплов.

– Если можно, – с опаской произнес Тимур. Догадка следователя оказалась верной. Есть хотят. Люди всё-таки, хотя по виду и не скажешь – терминаторы.

– Можно, если осторожно, – Теплов вскипятил чайник, сделал две чашки чая, достал конфеты и печенье, – Я к начальству, скоро буду. Из кабинета не выходить, в туалет по одному. Что в сумке знаете.

Бойцы кивнули, а Теплов, взяв дело, направился к Напрюшкину.

У начальника следственного управления собрались те же, кто и вчера. Прокурор Ильяс Асанович снова куда-то торопился, поэтому совещание было недолгим. Теплов доложил о результатах операции. Определились завтра, после допроса Карапетяна, который назначили на десять утра, идти в суд за санкцией на его арест, а в воскресенье решать вопрос о судьбе денег. Воскресенье было выбрано из соображений безопасности и спокойствия. Арест Карапетяна в субботу должен был привлечь внимание журналистов и просто создающих суету людей. А деньги суеты не любят, поэтому в воскресенье, по-тихому, когда все нормальные люди отдыхают, решать судьбу четырех миллионов гривен как-то надёжнее. Раваналиев объявил, что завтра подъедет прямо в суд, там всё подпишет, с руководством прокуратуры вопрос об аресте Карапетяна уже согласован. Следственный судья Топалова Тамара Петровна ждёт всех к четырнадцати часам, просит не опаздывать, обеспечить участие адвоката и материалы на арест подготовить качественно. За сим и откланялся.

– Куда деньги девать? – спросил Теплов, как только за прокурором закрылась дверь. – Я в кабинете еще два дня жить не хочу. Я домой хочу.

– Бойцы «Беркута» у тебя? – спросил Зиновьев.

– У меня, сидят, чай пьют, зарплату нашу оберегают.

– Вот пусть и сидят всю ночь. Они парни привыкшие. Утром их кто-нибудь сменит. Я распоряжусь.

– А завтра?

– Завтра тоже. Пусть охраняют, работа у них такая. А в воскресенье, после суда, сразу отвезем сумку в финчасть. Я договорюсь, кто-нибудь после обеда выйдет на работу, деньги примет.

Теплов, вернулся в кабинет, бросил дело в сейф, проинструктировал бойцов «Беркута», позвонил в Изолятор временного содержания, и, удостоверившись, что адвокат приехал и беседует с подозреваемым, попросил дежурного известить защитника о допросе Карапетяна завтра в десять утра, собрал в пакет несвежее бельё и рубашку и уехал.

Глава 10

В субботу Сергей приехал на работу в 8-45. Тимур и Володя сидели на своих местах в том же положении, в котором Теплов их оставил вечером, напоминая статуи около входа в древние египетские храмы, и только фантики из-под конфет и использованные пакетики чая в мусорном ведре, свидетельствовали о том, что ночью в кабинете были живые люди.

– Доброе утро. – Поздоровался Теплов. – Все в порядке? Без происшествий?

– Здравия желаю. Всё в порядке, – ответил Тимур.

– Когда вас меняют?

– В девять, – на этот раз отозвался Володя.

Теплов снял дублёрку, повесил в шкаф. Опечатанная сумка с деньгами стояла в том же положении. Сергей включил компьютер, достал из сейфа дело и разложил на столе документы. Ровно в 9-00 в дверь постучали.

– Войдите, – сказал Теплов.

Дверь открылась, и в кабинет вошли два бойца «Беркута». При взгляде на них Теплому вспомнился детский мультфильм про мальчика Вовку, который путешествовал по сказкам, и в одной из сказок встретил «двоих из ларца, одинаковых с лица», настолько велики и румяны, а также похожи между собой были прибывшие. Одного роста и телосложения, в одинаковых камуфляжах, с одинаковой стрижкой ёжиком и взглядом, впрочем, взгляд у них у всех одинаковый, – подумал Теплов, разглядывая вошедших. Отличали бойцов глаза, у одного – большие, тёмные и наивные, а у другого – маленькие, светлые и злые, спрятанные за белёсыми ресницами.

– Здравия желаю, – сказал один из них, белёсый – Мы на смену.

– И вам не хворать, – отозвался Теплов. – Заходите, как звать-то.

– Сергей мы, оба.

– Родственники? – не удержался Сергей.

– Нет, однофамильцы, – улыбнулся тот, глаза которого смотрели дружелюбно.

А парень-то с чувством юмора, – удивился про себя Теплов, искренне полагавший, что чувство юмора является препятствием для службы в «Беркуте» и кандидатов, обладающих этим чувством, бракууют еще на начальном этапе отбора.

– Меня зовут Сергей Александрович, по званию майор, по должности старший следователь. Располагайтесь, присаживайтесь. Что охраняете, знаете?

– Знаем.

– Значит так, находитесь вы даже не при мне, а при сумке. Вот она, – Сергей открыл шкаф, достал сумку и показал вновь прибывшим бойцам, – куда сумка туда и вы. Володя, Тимур, свободны, идите, отдыхайте. Сергеев завтра вы меняете?

– Ещё не знаем, но по всей видимости да, людей не хватает, почти всех в Киев отправили.

Произведя пересмену охранников ценной сумки, Сергей сел за клавиатуру и подготовил ходатайство об избрании Карапетяну Гургену Ашотовичу меры пресечения в виде заключения его под стражу, после чего снял ксерокопии документов, которые должны прилагаться к ходатайству, а также распечатал извлечение из Единого реестра досудебных расследований⁸ – документ свидетельствующий, что уголовное дело возбуждено, его расследует следователь Теплов, прокурором по делу является Раваналиев, а дело имеет собственный индивидуальный номер.

---

⁸ Согласно УПК Украины постановление о возбуждении уголовного дела не выносится. Документом, подтверждающим возбуждение дела, является извлечение из Единого реестра досудебных расследований, куда вносятся все уголовные дела, расследуемые в государстве

Ровно в десять в кабинет Теплова был доставлен Карапетян. За минуту до появления в кабинете подозреваемого, позвонил дежурный, доложив, что подошёл адвокат Глинный Петр Яковлевич, которого Теплов попросил проводить к нему. Адвокат Глинный Теплову не понравился, высокий, худой, с большим приплюснутым носом «картошкой» и тонкими губами, одетый как попало, видимо, из бывших коллег, вышедших на пенсию. Этого человека Теплов видел впервые, поэтому разговаривать с ним ни на какие темы не собирался и сразу приступил к допросу. Допрос получился короткий. Сообщив следователю анкетные данные, место жительства и работы, семейное положение и количество имеющихся у него детей, Карапетян от дачи показаний отказался, сославшись на ст. 63 Конституции Украины⁹, что и было засвидетельствовано в протоколе подписями следователя, самого Карапетяна и его защитника.

Сообщив, что сегодня в четырнадцать часов в К...ом районном суде будет рассматриваться вопрос об избрании Карапетяну меры пресечения, и вручив копии необходимых документов подозреваемому и его защитнику, Теплов распорядился увести задержанного.

– Сергей Александрович, может быть, уделите мне несколько минут Вашего времени наедине, – адвокат Глинный предпринял попытку поговорить с Тепловым без посторонних глаз.

– Извините, но нет времени, увидимся в суде в два часа, – отрезал Сергей, и адвокату ничего не оставалось, как тоже выйти из кабинета.

Теплов позвонил Раваналиеву, доложил, что Карапетян от дачи показаний отказался, документы для ареста у него готовы и договорился о встрече с прокурором в суде в 13–30.

---

⁹ Статья 63 Конституции Украины позволяет не давать показания в отношении себя и близких родственников.

Глава 11

Судья районного суда Топалова Тамара Петровна была женщиной слабой и впечатлительной, боясь всего, чего только может бояться женщина, и нервно вздрагивала даже при звонке телефона в кабинете. Правоохранительные органы и собственное руководство Тамара Петровна опасалась больше всего, и не принимала решений, которые бы шли вразрез с позицией прокурора или личной просьбой председателя суда, имея приработок на мелких гражданских делах, которые, как она полагала, никого не интересуют. Узнав накануне вечером, что в субботу ей, как дежурной судье, предстоит рассматривать вопрос об аресте какого-то сельского головы, получившего взятку в полмиллиона долларов, а в воскресенье принимать решение по предмету взятки, Тамара Петровна, сразу начала пить успокоительное, полночи не спала, но ровно в 14–00, как договаривались накануне, открыла судебное заседание.

Возле здания суда толпились журналисты, пишущие и снимающие, всё-таки не каждый день в Крыму задерживают чиновника такого уровня и с такой суммой. Адвокат Глинный уже дал несколько комментариев, заявив о том, что происходящее – это провокация и полный правовой беспредел со стороны милиции и прокуратуры. Прокурор Раваналиев, с холодной невозмутимостью, обусловленной национальностью и грузом прожитых лет, журналистов проигнорировал и прошёл мимо, а Сергея никто не знал, поэтому с вопросами к нему не приставали и микрофон под нос не совали.

Запретив видеосъёмку в зале, и отклонив все ходатайства адвоката, судья Топалова уже через пятьдесят минут оглашала определение об избрании Карапетяну Гургену Ашотовичу меры пресечения в виде содержания под стражей сроком на два месяца. Окончив оглашение, Тамара Петровна, быстро скрылась в собственном кабинете.

Сергей с Тамарой Петровной был знаком и даже однажды по её просьбе подвозил вечером до дома после поздно окончившегося судебного заседания. Отправив арестованного Карапетяна конвоем по месту назначения и в очередной раз отказавшись от частного разговора с адвокатом, Сергей зашёл в кабинет судьи.

– Тамара Петровна, добрый день, – начал Сергей, – к Вам можно?

– Заходи, Серёжа, – обреченно выдохнула Топалова, – Ну и задали вы мне работы. Из-за вас все выходные насмарку.

– Извините, Тамара Петровна, так получилось. Как у Вас завтра со временем, когда приезжать и деньги привозить?

– Там реально четыре миллиона?

– Абсолютно. Спортивная сумка, весом примерно килограмм десять. Восемьдесят пачек по пятьсот гривен. Сто купюр в каждой пачке.

– Это сколько же времени мне понадобится, чтобы все это переписать? – воскликнула Топалова.

– Тамара Петровна, Вы же знаете, как я Вас люблю, поэтому я здесь и постараюсь облегчить задачу, – Сергей включил обаяние, которое, как он полагал, действует на всех женщин. – Я же их уже осматривал и переписывал, когда вручал и изымал. Вот «флэшка», файл называется «4 миллиона», список всех банкнот с номерами и сериями.

– Спасибо, очень кстати, – немного успокоилась Топалова, взяла «флэшку» и положила себе на стол. – А правда, что четыре миллиона – это зарплата милицейская на весь Крым?

– Сушая правда. Поэтому мы так торопимся. Вы завтра определение вынесете, а мы в понедельник зарплату получим. Ах, да, – спохватился Теплов, – чуть не забыл. Тамара Петровна, деньги эти, которые в сумке, они меченые все, составом специальным, ну Вы знаете. Поэтому в руки их лучше не берите, а то еще долго светиться будете.

– А что же мне делать? – не на шутку разволновалась Топалова, которая, принимая близко к сердцу народную мудрость «от тюрьмы и от сумы не зарекайся», и зная о своих грешках, жуть как боялась меченых денег. – Ну, спасибо, что хоть предупредил.

Топалова просмотрела какие-то записи в своем смартфоне.

– Давай завтра прямо с утра, в девять, а то у меня после обеда планы есть.

– В девять, так в девять. До завтра, Тамара Петровна, – сказал Теплов, улыбнулся и вышел.

Выйдя на крыльцо суда, где уже не было журналистов, да и вообще уже никого не было, суббота всё-таки, Теплов закурил. Опять моросил дождь. На перекрестке Ленина и Пролетарской, по всей видимости, сломался светофор, потому что очередь из машин, едущих по улице Воровского в сторону центра, растянулась от перекрестка до кафе «Мараканд». Сергей позвонил маме, сказал, что у него всё в порядке, он вернулся из командировки, часам к девяти вечера будет дома и попросил приготовить его любимые котлеты с пюре и солёным огурцом. Потом Сергей сделал звонок Напрюшкину, доложил обстановку и рассказал о планах на завтра. Следующий звонок был прокурору Раваналиеву. Сергей сказал, что договорился с судьей по поводу вещественных доказательств на завтра на девять утра. Ильяс Асанович, как всегда, был занят, буркнув, что понял и завтра в девять будет на месте, отключился. Ещё Теплов позвонил адвокату Глинному, всё-таки успевшему сунуть следователю свою визитку, которому сообщил, что завтра в 9-00 в суде будет рассматриваться вопрос о судьбе вещественных доказательств по делу, и в очередной раз отказался от приватной встречи с ним. Следующий звонок был Полторашко:

– Привет, Дим. Как дела? Выспался?

– Привет. Дела нормально. С утра на ногах. Отработку какую-то придумали. Ездим по заправкам, проверяем что-то. Результату ноль, народу много, в общем, весело и бестолково, как всегда. Что у тебя?

– Карапетяна арестовали. Еду на работу. Ты мне обещал понятых, у тебя там девочки какие-то были. Сегодня нужны, часам к шести.

– Девочки со мной. Вместе ездим. Так сказать, приобщаю их к оперативной работе, – в голосе Полторашко послышались довольные нотки, – в 18-00 будем у тебя. Да, и на вечер ничего не планирую. До связи, – сказал Полторашко и отключился, не дав Сергею ничего сказать в ответ.

Теплов с грустью посмотрел на дисплей телефона, где ещё поднакопилось не менее десятка неотвеченных звонков, в основном от девушек. «Перезванивать смысла не вижу, всё равно занят и ничего не получится», – сам себе сказал Сергей, сел в «BMW» «пятёрочку», 2007 года выпуска, завёл двигатель и, резко отпустив педаль тормоза, с визгом сорвался в сторону, противоположную образовавшейся пробке.

Глава 12

В 17–50 в кабинет к Теплому заглянул Полторашко.

– Разрешите, товарищ следователь, – Полторашко, как всегда, был весел и источал жизнелюбие. На этот раз он был в джинсах и тонком шерстяном обтягивающем свитере, подчеркивающим его спортивную фигуру. Широкие плечи и внушительные бицепсы смотрелись красиво. – Я не один. Знакомьтесь. – Вслед за Полторашко в кабинет зашли две молоденькие девушки, рыженькая, с длинными волосами, как и Полторашко, в джинсах и свитере, чуть повыше ростом, и тёмненькая, в скромном вязаном платье, с короткой стрижкой и в очках, чуть пониже. – Это Сергей Александрович, это Люда, а это Жанна.

Представлять девушкам «беркутов», сидевших в кабинете Теплова с самого утра, а также девушек «беркутам», никто не собирался, но бойцов, похоже, это вообще не волновало. Они внимательно посмотрели сначала на Полторашко, потом на девушек и, поняв, что вошедшие в кабинет не представляют опасности для охраняемого ими объекта, равнодушно устались в экран телевизора, беззвучно работавшего в кабинете Теплова.

– Добрый вечер, – сухо отозвался Теплов. – Проходите. Присаживайтесь. Давайте быстрее закончим и разойдемся, вечер уже. – Флиртовать с девушками Сергей не собирался, настроения не было вообще, да и голова была занята другим. – Вот сумка, – записав в протоколе данные девушек, их адреса и телефоны, Теплов встал, подошел к шкафу и достал сумку, – она опечатана. Срываем бумажку, открываем сумку, и видим в ней пачки денег по пятьсот гривен, их ровно восемьдесят, по сто купюр в каждой пачке, а всего четыре миллиона гривен. – Теплов, надев резиновые перчатки, достал деньги из сумки и разложил пачки на приставном столе, предварительно застеленном плёнкой.

Бойцы «Беркута» оторвались от просмотра телевизионной передачи и внимательно смотрели на стол. По выражению их лиц было видно, что подобной суммы денег до этого не видел никто из них.

– А зачем плёнка и перчатки? – спросила одна из девушек, рыженькая, та, что повыше, Теплов забыл кто из них Люда, а кто Жанна.

– А это потому, моя милая, – подсев к понятой и приобняв её за талию, вкрадчивым голосом начал Полторашко, – что деньги эти вчера получены в качестве взятки одним высокопоставленным чиновником и помечены они специальным веществом, которое светится. Поэтому, – увеличивая громкость и вибрацию в голосе, продолжал он, – кто коснется этих денег, будет проклят, и ни одна баня не отмоеет этого позора, – пафосно закончил Полторашко. – А Сергей Саныч, как мы видим, светиться не хочет, поэтому предпринял кое-какие меры предосторожности. Но баню Сергей Александрович любит, и наверняка составит нам компанию после трудного рабочего дня.

– Так вот, – продолжал Теплов, оставив без комментариев как выступление, так и предложение Полторашко, – Серии и номера банкнот переписаны и занесены в протокол, мы с Дмитрием Николаевичем уже их осматривали. Понятые, если желаете, можете собственноручно пересчитать деньги и проверить, всё ли верно записано в протоколе.

– Не хочу, – сказала рыженькая, – Я вам верю, – и посмотрела на Полторашко снизу вверх из-под длинных ресниц.

– Вот и правда, не нужно их трогать. А то потрогаешь деньги, а потом потрогаешь ещё что-нибудь, и это что-нибудь внезапно засветится. А потом объясняй, почему оно светится, – сказал Полторашко и, улыбнувшись собственной шутке, посмотрел на рыженькую практикантку, та покраснела и отвернулась.

– А я бы посмотрела. Так нельзя, Жанна, – поучительным тоном вступила в разговор та, что пониже, значит Люда. – Четыре миллиона гривен и мы свои подписи ставим. Сергей Александрович, у Вас есть ещё перчатки?

– Да конечно, – ответил Сергей, достал из нижнего ящика стола чистую пару резиновых медицинских перчаток и протянул девушке. – Смотрите, сверяйте. – Также Сергей развернул к понятой монитор с открытым файлом, в котором на двадцати с лишним листах, в строчку, разделенные лишь запятыми, были перечислены серии и номера восьми тысяч банкнот.

Раскрыв несколько пачек и посмотрев на купюры, Люда попыталась найти их номера и серии на мониторе. Безуспешно потратив на это несколько минут, девушка фыркнула, с капризным видом стянула с себя перчатки и сказала, что убедилась в правильности всего записанного и можно подписывать документы.

Теплов сложил деньги в сумку, снял перчатки, убрал со стола плёнку, распечатал протокол осмотра вещественных доказательств, подписал документ сам и дал его на подпись понятым. Потом Сергей попросил понятых подписать бумажную ленту, которую намазал клеем и опечатал молнию сумки.

– Всем спасибо, все свободны, – заявил Теплов и обернулся к сотрудникам «Беркута», – Вас это не касается. Остаётесь до утра в кабинете. Где чайник, чай, кофе, сахар и конфеты знаете. Я буду часов в семь. В девять мы должны быть в суде, поэтому позвоните на базу, пусть вас поменяют не ровно в девять, а на полчаса пораньше, а то проторчите с нами ещё и завтра до вечера.

Пока Теплов прятал документы в сейф, выключал компьютер и надевал дублёнку, Полторашко что-то активно шептал на ухо рыженькой Жанне, а та довольно улыбалась. Выйдя на улицу, Теплов закурил и отметил про себя, что это уже третья сигарета за день. Много, пора заканчивать с никотином, а то завтра голова болеть будет. Сергей знал за своим организмом такую особенность – если много выкуришь, то на следующий день с утра голова раскалывается так, что без таблетки не обойдешься.

– Ну что, Сержио, поехали, у нас всё готово, девчата ждут, баня топится, – Полторашко был тут как тут, девушки стояли около машины Сергея, негромко переговариваясь о чём-то между собой и бросая взгляды в их сторону.

– Нет, Димася, сегодня не поеду. Устал я что-то. Две ночи нормально не спал. Поеду к маме, помоюсь, высплюсь. Завтра ведь тоже дурдом на целый день.

– Ну, как знаешь, – огорчился Полторашко. – Девчата очень способные. Зря ты так.

– В другой раз. – Теплов открыл дверцу автомобиля. – Ты мне завтра утром не нужен. В суде я сам справлюсь. Но часам к двенадцати будь готов. Напряшкин и Зиновьев нас обязательно соберут. Давай, до завтра.

– Понял, пока, – Полторашко пожал протянутую ему руку, развернулся, обнял девушек за талии, и, не торопясь, повел их к своей машине, припаркованной с другой стороны здания. – Да ну его, нудный он какой-то, я и сам с вами двумя прекрасно справлюсь, – слышалось Теплову со стороны удаляющейся от него тройцы. Сергей улыбнулся, завел двигатель и включил радио. Передвигаясь по городу, он всегда слушал радио, отдавая предпочтение «Авто-Радио» и «Ретро-FM», вставляя диски только в дороге на дальние расстояния.

В музыкальных пристрастиях Теплов был консервативен, полагая, что музыка – субстанция не бесконечная, и, как и все вещи в мире, может исчерпаться, поэтому считал, что всё хорошее уже написано, а современные песни – это жалкие потуги ныне живущих композиторов, направленные на то, чтобы выбрать хоть что-то стоящее из сочетания нот, которые ещё никто пока не складывал вместе, но поскольку практически все красивые сочетания уже были использованы при написании композиций в прошлом, слушал только музыку, написанную в предыдущем тысячелетии.

Найдя на «Ретро-FM» Александра Барыкина, «Букет» которого сменила бодрая «Felicita» Аль Бано и Рамины Пауэр, Теплов, зевая и борясь со сном, плавно ехал по ярко освещенному Симферополю к маме, ждавшей сына из командировки за уже, вероятно, накрытым столом, на котором, источая мясной аромат, дымились только что поджаренные котлеты.

Глава 13

Будильник прозвонил ровно в шесть. Сергей нехотя встал и побрёл в ванную. На кухне уже суетилась мама. Выйдя из душа проснувшись, свежим и побритым, Теплов сразу же повернул в кухню, где его ждали любимые воскресные утренние блины.

Традицию печь блины по воскресеньям завёл в их семье отец, когда Сергей был ещё маленьким. Каждое воскресенье отец просыпался раньше всех, шёл за молоком, яйцами, сметаной и творогом, а потом сам пёк блины на большой чёрной сковородке с низенькими бортиками. К тому времени, как просыпался Сергей, а в воскресенье ему позволялось спать столько, сколько хочется, блины уже были пожарены, а стол накрыт. Он, мать и отец садились за стол и завтракали. Отец ел блины с мелко нарезанными отварными яйцами, солёными и политыми растопленным сливочным маслом, мама любила блины с вареньем или мёдом, а ему больше всего нравились блины с творогом и сметаной. После завтрака они с отцом или с матерью, а иногда, если отец не дежурил, и втроём, шли гулять в Детский парк, где он мог прокатиться на двух аттракционах или пострелять в тире, а потом пили молочный коктейль в кафе напротив парка или ели мороженое шариками, посыпанными молотым шоколадом. Иногда по воскресеньям, он, мама и папа ходили в кино, а после сеанса ели пончики в «Океане». В детстве он очень любил воскресенье, и до сих пор воскресное утро для него отличалось от всех других, где бы, и с кем бы это утро его не заставляло.

Вот и сегодня мама приготовила для сына его любимые блины с творогом. Сметана стояла на столе. В белой кружке с турецким флагом и изображением «Красной башни», привезенной Сергеем на память из Алании¹⁰, был заварен крепкий чёрный чай, сладкий, с лимоном, как в детстве.

– Спасибо, мам, – Сергей поцеловал мать.

– Садись, ешь, пока не остыли, – мать села напротив уплетающего блины сына. – Ты в баню сегодня идешь?

– Иду, конечно.

Вот уже пять лет Теплов по воскресеньям ходил с друзьями в баню. Послеобеденные часы воскресенья, наверное, были единственным временем, которым Теплов мог распоряжаться по своему усмотрению. Время с понедельника по субботу включительно полностью было отдано работе, а редкие свободные вечера – попыткам устроить личную жизнь. В воскресенье Теплов старался обязательно уделить время матери, отвезти ее куда-нибудь, сходить с ней по магазинам или в кафе, в конце концов, просто провести с ней время у телевизора. Валентина Пантелеевна, продолжавшая шить на дому, клиентов в воскресенье не принимала, и тоже старалась освободить этот день для сына, которого видела не так часто, как ей бы хотелось. Но каждое воскресенье, в пять часов вечера, как у англичан чай, у Сергея была баня. Собиралось их человек шесть-восемь мужиков, и парились они крепко, по настоящему, с вениками и без баб. После бани был час плавания в бассейне, а потом все, кто хотел и мог, ехали к Вите, хозяину небольшого кафе, где играли на бильярде и пили специальный чай, заваренный на крымских травах женой хозяина, которая эти травы сама же и собирала.

Как образовалась эта компания и как установилась традиция – ходить именно в эту в баню воскресным вечером, уже никто не помнил. Их всех кто-то туда привел. Кто прижился, а кто и отвалился. Сергея привел в эту компанию его друг Лёха «Суслик», тогда еще живший в родном городе, и Теплов к традиции прикипел, за пять лет пропустив это мероприятие от силы раз десять, когда был в командировках или на дежурствах. Компания собралась разношерстная и разновозрастная, тут были и пожилой отставной военный, и врач-хирург, и дирек-

---

¹⁰ Алания – курорт в Турции.

тор туристической фирмы, и бывший член ОПГ, уцелевший в разборках, и держащий ныне собственный автосервис, и заместитель декана одного из факультетов университета, адвокат и помощник прокурора города. О работе и политике никто не говорил. Спорт, женщины и путешествия – вот основные темы для разговора в мужской компании. Сергею банные вечера нравились, за несколько часов проведенных там, он словно сбрасывал с себя напряжение прожитой недели и утром в понедельник был снова готов куда-то бежать, кого-то допрашивать, что-то писать и осматривать.

– Ты мне сумку в баню собрала? – спросил Сергей, жуя очередной блин.

– Собрала. Бельё и носки чистые положила. Только ни одного твоего полотенца найти не могу, – ответила Валентина Пантелеевна.

– Все полотенца у меня на работе. Я их на квартире постирал и чистые на работу отнёс. Сегодня буду – возьму.

Сумка для бани у Сергея была особенная. Эту китайскую сумку ему подарила бабушка на шестнадцатилетие. Сумка была для того времени модная, спортивная, тёмно-синяя с яркими наклейками «BMW» и «Mobil 1» по бокам. Со временем наклейки оторвались, но Сергей на рынке нашел точно такие же, и привел сумку в порядок. Он мог себе купить сотню новых сумок, но эта была для него особенной, и он приспособил её для воскресных походов в баню. Каждый раз, доставая сумку, он вспоминал о бабушке и отце, и это было ему приятно.

Позавтракав и одевшись в чистые наглаженные чёрные джинсы и свободную полосатую рубашку, оставив на вешалке надоевшие за неделю костюм с галстуком, Сергей взял заботливо приготовленные мамой сумку с яркими наклейками по сторонам, а также пакет с чистым выстиранным бельём, которое он забирал по воскресеньям и отвозил в свою квартиру, чмокнул её в щеку и, сказав, что позвонит в понедельник (по устоявшейся традиции после бани Теплов ночевал у себя), выскочил из квартиры.

Глава 14

Подъехав к зданию главка, Теплов отметил, что он сегодня приехал на работу первый, поскольку других машин, кроме его «BMW», на парковочной площадке ещё не было. Взяв сумку с яркими наклейками, Теплов поднялся к себе.

– Доброе утро, – сказал Теплов, зайдя в кабинет. – Без происшествий?

– Доброе, – в один голос ответили тезки Сергея. – Всё спокойно.

– Это хорошо. Вы чай или кофе пили утром? – Теплов снял дублёнку, повесил в шкаф и бросил взгляд на сумку с деньгами, рядом поставил свою сумку с наклейками.

– Ночью пили.

– Давайте тогда сейчас вместе попьём. С утра чего-нибудь попить – это очень хорошо. Если вас не затруднит, мне тоже сделайте. Чай, чёрный, с сахаром. Спасибо.

«Беркут» стал готовить напитки.

– Вы в баню ходите? – спросил он бойцов.

– А как же, конечно ходим. Регулярно. И после тренировок взводом, и так, сами по себе. Баня – это здоровье, – отозвался тот из Сергеев, кто чай готовил, с наивными глазами.

– Вот и я так думаю. Поэтому сегодня, как всё закончим, пойду в баню. Привык, знаете ли, по воскресеньям. Вот и сумочку взял. Надо не забыть полотенце положить, – Сергей покопался с минуту в шкафу. – Ну, что, чай готов?

– Готов.

Теплов пил чай с бойцами «Беркута», расспрашивая их о работе и не только. Те охотно отвечали, видимо, общество друг друга за сутки им порядком наскучило, и они были рады пообщаться с кем-то ещё. Ребята были образованные и на удивление начитанные.

– Откуда такой кругозор? – спросил Теплов.

– Книжки читаем, – улыбнулся боец со светлыми глазами, и Сергей отметил, что улыбка у него, несмотря на маленькие злые глазки, приятная. – Большая часть нашей работы – это где-то сидеть, чего-то ждать, куда-то ехать. Вот и читаем книжки на службе. На этой почве мы с Сергеем и сошлись. Другие ребята особо не читают, а нам интересно, вот и просим, чтобы нас в пару ставили.

В 8-30 приехали старые знакомые Тимур с Володей и сменили «читающих» Сергеев. Одевшись, Теплов взял свою сумку, а Володя опечатанную. Мужчины спустились на улицу и уселись в машину Теплова. Свою сумку Сергей положил в багажник, сумка с деньгами, как обычно, находилась между «беркутами», разместившимися на заднем сиденье «бэхи» следователя.

Топалова, помня вчерашнее предупреждение Теплова, тщательным исследованием вещественных доказательств себя не утруждала. Сорвав бумажную ленту и открыв сумку, судья вслух пересчитала пачки с деньгами, не прикасаясь к ним. На этом, в принципе, судебное заседание и было окончено. Оставив без внимания эмоциональные заявления адвоката Глинного, который хотел, чтобы судья исследовала каждую купюру в отдельности, и сделав ему предупреждение о необходимости уважительного отношения к суду, Тамара Петровна удалилась в совещательную комнату и уже в час дня три копии определения суда, разрешающего крымскому управлению МВД использовать предмет взятки на выплату заработной платы сотрудникам, были в руках у Теплова.

Сказав судье «Спасибо» и «До свидания», Теплов и сумка отбыли из суда в сопровождении бойцов «Беркута». В 14-00, как и предполагал Сергей накануне, Напрюшкин назначил общий сбор у себя.

К начальнику, в кабинете у которого уже находились Зиновьев и Полторашко, а также прокурор Раваналиев, Сергей прибыл как VIP персона, с сумкой, которую нёс лично, и вооруженной охраной.

– Это что ещё такое? – удивился Напрюшкин, снова буркнув что-то в усы. – Как президент, прям таки. Ребята, подождите за дверью, у нас совещание, – обратился начальник следственного управления к бойцам «Беркута», но те даже не пошевелились.

– Они без сумки никуда не пойдут, – сказал Теплов.

– Ну так отдай им сумку, или прикипел к ней так, что расстаться не можешь? – Теплов отдал сумку Тимуру. – Подождите, пожалуйста, в приемной. Это ненадолго. – Когда «беркуты» вышли и закрыли за собой дверь, Напрюшкин обратился к подчиненному, – Давай, докладывай.

Теплов доложил, что по делу допрошен потерпевший, подозреваемый от дачи показаний отказался; вчера, то есть первого февраля, Карапетяну судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а вещественные доказательства осмотрены с участием понятых; сегодня определением следственного судьи вещественные доказательства переданы главку МВД и могут быть использованы по назначению. Завтра Теплов планирует назначить экспертизы, допросить понятых, которые участвовали в операции, а также попытаться снова допросить подозреваемого, если тот захочет что-то говорить. Во вторник он хочет наведаться в сельский совет, где трудился Карапетян, и в «Золотую рыбку» – допросить официантку, которая обслуживала столик Гатаулина и Карапетяна. Проводить у Карапетяна обыск смысла не видит, так как время уже упущено. Всеми оперативно-техническими моментами, видео- и аудиозаписью занимается Полторашко.

– Что у тебя? – спросил Зиновьев Полторашко.

– Занимаюсь. Расшифровываю записи. К концу недели предоставлю в лучшем виде. Разговор хороший, клиент наговорил много, на видео момент передачи сумки виден чётко, – ответил оперативник.

– Почему руки у Карапетяна не светились? – задал вопрос прокурор.

– Так он сумку не открывал, деньги не трогал. Взял, пододвинул к себе и всё. Сказал, что доверяет и пересчитывать не будет.

Присутствующие на совещании составили план первостепенных следственно-оперативных мероприятий и договорились встретиться на заслушивании дела в прокуратуре Крыма на следующей неделе в четверг в 16–00.

– Молодцы, – похвалил всех присутствующих Николай Ильич, когда дверь за прокурором закрылась. – Генерал доволен, доложил в Киев, просил передать поздравления с успешно проведенной операцией лично от министра. Мы первые в этом году, кто возбудил такое дело. Так держать.

– Рады стараться, – бодро отрапортовал Полторашко.

– Ну раз ты такой бодрый, Дмитрий Николаевич, бери «беркутов», и иди сдавай деньги. Ты их получал, ты и сдавай. А я устал, отдыхать поеду. Не возражаете, Николай Ильич? – Теплов и вправду выглядел уставшим.

– Не возражаю, Серёжа. Иди, отдыхай, – ответил Напрюшкин.

– Всем спасибо, до завтра – сказал Зиновьев, поднявшись на ноги.

– Девчат предупреди, чтобы деньгами не игрались, меченые же, – напомнил Теплов.

– Не учи отца, с девушками я как-нибудь разберусь, опыт имеется.

Коллеги попрощались друг с другом за руки и разошлись. Расставляя стулья по местам, Напрюшкин увидел на полу мобильный телефон Теплова. Видимо выпал из кармана, когда следователь присаживался или вставал. Николай Ильич набрал кабинет Теплова по внутренней связи, никто не ответил. «Ничего страшного, – подумал Напрюшкин и положил аппарат в стол. – Завтра отдам».

Полторашко, тем временем, в сопровождении двух бойцов «Беркута» подошёл к металлическим дверям финчасти, за которыми его уже ждали две молодые барышни. Девушки работали совсем недавно, поэтому именно им, с целью получения необходимого опыта и соблюдения субординации, начальник финчасти Зоя Петровна Сидорова поручила выйти на работу в воскресенье и принять от оперативных работников сумку с деньгами, ничего толком при этом не объяснив. Девчата были молодые, но не глупые. Узнав, что в сумке четыре миллиона гривен, и, кроме того, деньги обработаны какими-то химикатами, молодые бухгалтерши сразу отказались от идеи эти деньги брать в руки и пересчитывать. Но принять эти деньги как-то было нужно, распоряжения руководства должны исполняться. Вместе с Полторашко девушки не придумали ничего лучше, чем составить акт приема-передачи сумки, а для надежности эту сумку решили опечатать лентой с печатью финчасти, подписями их и Полторашко, решив, что пусть руководство в понедельник утром выходит на работу и само разбирается с её содержанием. О том, что деньги в сумке меченные, решили не упоминать, чтобы не создавать напряженной атмосферы среди сотрудников в первый рабочий день недели. Меньше знаешь, крепче спишь. Деньги выдадут, и они расползутся по полуострову. О том, что там были обработанные химией банкноты скоро никто и не вспомнит. Опечатав сумку и поместив в спецхранилище, девушки закрыли металлические двери и, согласившись на предложение Полторашко выпить с ним чашечку кофе и развести их по домам, взяли его под руки и весело направились к выходу.

Глава 15

Теплова задержали на рабочем месте в понедельник вечером работники Службы безопасности и Генеральной прокуратуры Украины. После разъяснения прав и составления протокола, на запястьях Сергея щёлкнули браслеты, его спустили вниз по лестнице, перевели через двор и посадили в камеру в подвале крымского управления Службы безопасности. Теплов молчал, в таких ситуациях говорить что-либо не следует, это следователь знал из собственного опыта. На допросе, который последовал вскоре, Теплов очень подробно рассказал всё, что делал последние четыре дня. Записав его показания, следователь ушёл, а Теплов остался, думая о маме и надеясь, что весть о его задержании не надломит её и так не самое крепкое здоровье.

Переполох в здании милицейского главка начался примерно полдесятого в понедельник утром. Начальник финансовой части главка Зоя Петровна Сидорова, открыв опечатанную сумку, в которой, как ей было известно, находились четыре миллиона гривен, предназначенные для выплаты зарплаты, обнаружила восемьдесят пачек, охваченных резинками. Первая и последняя купюра каждой пачки были пятисотгривневыми банкнотами, а остальное – вырезанные из газет и журналов листочки, размерами с купюру. Минуту Зоя Петровна сидела молча, осмысливая увиденное, потом завывала как сирена и бросилась прочь из кабинета. Несясь по коридорам со скоростью, которой мог бы позавидовать Усейн Болт¹¹, Сидорова влетела в приемную начальника главка Грицай. Проигнорировав находившихся в приемной полковников и личного секретаря генерала, не успевшего сказать ни слова, Зоя Петровна ворвалась в кабинет и выпалила: «Андрей Федорович, у нас ЧП». Поняв по виду Сидоровой, что дело действительно срочное, Грицай, извинившись, попросил присутствующих в его кабинете выйти, и остался с Сидоровой один на один. Через несколько минут, отдав распоряжение секретарю отпустить всех находящихся в приемной, так как он сегодня никого уже не примет, Грицай вызвал Напряушкина и Зиновьева и сказал, что если через тридцать минут денег не будет, он докладывает о происшествии в Киев и пусть будет то, что будет. Ещё через несколько минут об этом узнали Теплов и Полторашко.

Поскольку спустя отведенные начальником главка полчаса деньги не появились, Грицай сдержал слово, доложил о происшествии в Министерство и прокуратуру, после чего, почувствовав недомогание и уйдя на больничный, в этот же день отбыл в Киев, решать вопрос о дальнейшем своём трудоустройстве.

Уже к обеду в Симферополе появились сотрудники Службы безопасности и Генеральной прокуратуры Украины, в срочном порядке вылетевшие из Киева. К вечеру все, кто хоть каким-то образом был причастен к деньгам либо находился возле них, были допрошены и разведены по разным кабинетам. Рядом с каждым находился боец «Альфы». Нашли и допросили всех: и понятых «надежных мужиков» Зиновьева, присутствовавших при задержании Карапетяна, и Люду с Жанной, девочек-практикантов, принимавших участие в осмотре денег Тепловым, и «беркутов», задействованных в операции, и женщину – сотрудницу банка, выдававшую деньги Полторашко. Даже судья Топалова и её секретарь не остались в стороне и были опрошены, а копии аудиозаписей проведенных в субботу и воскресенье заседаний приобщены к делу.

В течение ночи и следующего дня были проведены обыски у всех, кто участвовал в операции по задержанию Карапетяна. Обысканы дома, квартиры, гаражи и дачи не только самих фигурантов, но и их родственников. Чего только там не нашли: наркотики, оружие, утерянные уголовные дела прошлых лет и много ещё всякой всячины, но денег, предназначенных на выплату заработной платы за январь 2014 года сотрудникам милиции Крыма, там не было.

---

¹¹ Мировой рекордсмен в беге на 100 метров.

Теплов несколькими днями позже от своего адвоката узнал, что, одновременно с ним задержали Полторашко, Гатаулина, шестерых «беркутов»: Тимура, Володю, двух Сергеев и двух бойцов, участвовавших в задержании Карапетяна и сопровождавших деньги вместе с Сергеем из ресторана «Золотая Рыбка» в Симферополь, имён которых Теплов так и не спросил, и даже двух работниц бухгалтерии, принимавших сумку у Полторашко в воскресенье. Напряушкин и Зиновьев просидели на допросах целый день и ночь, но, после проведенных в их квартирах, домах и гаражах обысков, были отпущены, и на следующий день оба написали заявления об увольнении из органов внутренних дел в связи с уходом на пенсию. Тогда же отпустили «книголюбов» Сергеев и молодых бухгалтерш. Еще через день – Гатаулина и оставшихся неизвестными Теплову бойцов «Беркута», ехавших с ним в машине Карапетяна.

На третьи сутки расследования, проводимого Генеральной прокуратурой и Службой безопасности Украины, подозреваемых в хищении трех миллионов и девятисот двадцати тысяч гривен осталось четверо: следователь Теплов Сергей Александрович, оперуполномоченный Полторашко Дмитрий Николаевич, а также сотрудники «Беркута» Бойков Владимир Владимирович и Алиев Тимур Русланович. По предварительной версии следствия Теплов, Полторашко, Бойков и Алиев, действуя в группе и по предварительному сговору между собой, используя должностное положение, похитили деньги, полученные в банке, подменив их на «куклу». Именно так выглядело уведомление о подозрении, врученное Теплову, следователем Генеральной прокуратуры.

Часть вторая

Глава 1

Стас Павленко родился на Сумщине и был старшим сыном в семье. Отцу Стаса, красивому мужчине с голубыми глазами, похожему на главных героев из фильмов о социалистических стройках и поднятой целине, посчастливилось жениться трижды. Первый брак случился во время «хрущевской оттепели», когда студент исторического факультета Львовского государственного университета комсомолец Богдан, как бы сказали в наше время «звезда» курса, влюбился без памяти в студентку филологического факультета того же университета, не искавшей аргументов для отказа столь видному парню. Семейная жизнь в общегититии была веселой и счастливой, но продлилась недолго, оставив в память о себе дочь Марьяну. Что послужило причиной распада первой семьи отца, Стас не знал, отец не рассказывал и разговоров на эту тему избегал, ограничиваясь ничем не значащим «так получилось». Со сводной сестрой Марьяной Стас ни разу не встречался, видел только её детскую фотографию, хранившуюся в старом альбоме отца. Однажды, перебравши на банкете по какому-то случаю, когда Стас был еще маленький, папа в разговоре с мамой проговорился, что Марьяна счастливо живет в Канаде и знать отца не хочет. Второй брак отца случился во время «застоя», когда младший научный сотрудник Львовского исторического музея Богдан Павленко случайно познакомился с дочерью первого секретаря Львовского горкома партии, вдовой, имевших двух дочерей, и, к тому же, старше его почти на десять лет. Отец не скрывал, что это был брак по расчету, который дал ему тот толчок, сила которого продолжала стойко удерживать его в бурном потоке быстро меняющейся жизни вплоть до выхода на пенсию. Тестю новый зять понравился, дочь его очень любила, а внуки сразу приняли, называя «папа Даня», поэтому молодой специалист номенклатурной внешности очень скоро возглавил райком, а потом и горком комсомола, и вскоре перешел на постоянную партийную работу, меняя должности по мере продвижения тестя по партийной лестнице. Когда тесть умер, Богдан Миронович Павленко имел свои собственные связи и в чьей-либо помощи уже не нуждался. Супруга скоростижно скончалась от инфаркта в ноябре 1982, через неделю после ухода в мир иной Леонида Ильича, приемные дочери удачно вышли замуж, завели собственных детей и разъехались по большой, и тогда еще единой, стране. Когда отцу предложили должность второго секретаря Сумского обкома партии, Богдан Миронович, как он рассказывал сыну, понял, что его «застойный» период закончился, и сорвавшись с насиженного места, где его уже ничего не держало, переехал на левобережную часть Украинской Советской Социалистической Республики, где и встретил мать Стаса, студентку педагогического института, моложе его ровно на двадцать лет, родившуюся с ним в один день. Поженились родители в ноябре 1983, а в марте 1984 у них появился Стас. Так начался новый, «перестроечный», этап жизни родителя нашего героя. После развала Советского союза Богдан Миронович Павленко с легкостью влился в новую, уже независимую Украину, войдя в состав депутатского корпуса вновь избранного Сумского областного совета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.